

А. ШИМЛОВСКИЙ

СЕННААР

Книга 2

Развитой

18+

Александр Шимловский
СЕННААР. Книга 2. Развитой

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шимловский А. И.

СЕННААР. Книга 2. Развитой / А. И. Шимловский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга вторая «РАЗВИТОЙ» романа «СЕННААР» описывает отрезок времени с 1953 года по 1980 год из жизни советских людей. Эра культа личности Сталина уступила место этапу волюнтаризма Хрущёва, далее потянулась эпоха, которую впоследствии назовут - застой. Однако герои романа, обреченные жить в предписанных обстоятельствах, следуют нестандартными направлениями и правилами поведения. Читателя ждут увлекательные, а порой драматические повороты в судьбах героев книги.

© Шимловский А. И., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

РАЗВИТОЙ

Глава 1 ЛАГЕРЬ

*Слава Коммунистической партии Советского Союза, авангарду рабочего класса!
Да здравствует Двадцатый съезд КПСС, вскрывший и осудивший чуждые явления
культы личности!*

Юные пионеры, к борьбе за дело Коммунистической партии, будьте готовы!

После больницы Бронька героем вернулся в класс. Трущоба встретила его настороженно, фальшиво улыбалась, почти заискивала. «Садись на свободное место, Бронислав, где понравится».

«Заискивает училка... от страха, что я её взорву гранатой. Ребята проболтались. Мало-хольная! Я врал, никакой гранаты у меня нет, а та, про которую проболтались, давно сгорела. Мы её ещё осенью в костер кинули и в овраг сиганули. Когда прыгали, Толян ботинок потерял и хотел вернуться, чтоб не разорвало. Вот полуумок! Пацаны едва удержали, сильный гад! Навалились и ждуют, сейчас ка-а-ак!.. Зря надеялись, не жажнуло. От гранаты только оболочка осталась, а взрывчатка куда-то подевалась. Не то, чтоб её вообще не существовало, была, своими глазами видели, когда гранату шпунтом корячили.

Шпунт – это такой инструмент, как толстый гвоздь, очень толстый, им каменотёсы подламывают пласты песчаника в карьере. У работяг этого добра завались, они и не заметили, что один исчез. В общем, граната не взорвалась, а снаряд, который под орехом запрятан, тяжёлый и без взрывателя.

Трущобе везёт, да и кому нужна эта чокнутая! Старшие ребята говорят, что она старая дева – целка. Ну, правильно, у неё мужа нет. Ей одна радость – школяров шпынять и двойки по поведению ставить. Только и пользы, что на уроке географии, сама того не подозревая, подсказала, как к дяде Мише в гости заявиться. На плоту до моря, а там вдоль побережья... Можно парус поставить, главное, чтоб ночью с курса не сбиться. Только как? компаса нет. Он-то есть, в культтоварах, но висит далеко за прилавком, и продавец там – хромой Алик Шлаферман, который раньше в железно-скобяных товарах торговал... глазастый, сука! Раз пять пытались отвлечь, не получилось. Придётся покупать, в море без компаса никак нельзя. Уплывёшь в Турцию... Тоже неплохо».

Бронислав уставился в окно, над яблоневым садом, окружавшим райком партии, кружилось вороньё, в классе тихо, Трущоба монотонно бубнит про тычинки и пестики...

«Да, пожалуй, буду моряком. Танкистом хорошо, но моряком куда лучше... можно рыбы наловить, когда проголодаешься, в дальние страны сплавать... Опять же Трущоба язвить не будет «военным»... Никаким не военным, радистом буду. На радию пипикать, «SOS» посылать во время шторма, пусть моряки из капиталистических стран плывут от своих буржуев к нам, мы их спасём. Вот здорово будет, нам медали дадут как у дяди Васи, фронтовые... или разведчиком, из фильма «Звезда», тоже хорошо. Я этот фильм двадцать четыре раза смотрел... а Петька двадцать шесть. Ничего, я его пересмотрю, спрячусь под скамейками, пережду и пару сеансов бесплатно посмотрю... Если билетёрша не увидит. До чего ж вредная старуха! Стерва рыжая, лицо рябое, глаза прищуренные, зубы железные, когда ругается, изо рта пена летит. После каждого сеанса зал проверяет, сука. Был бы у меня настоящий отец, я бы каждый день в кино ходил, мороженое ел, конфеты... Не подушечки с повидлом, а настоящие в обёртке, как ба Арктика присылает. Она к нам уже не приезжает с тех пор, как папку убили, врёт, что не дают отпуск... Может, его и не убили, мой папа не такой... Я читал одно письмо, тайком от мамы. Ба Арктика написала, что папку реабилитируют, а Сталина вынесут из Мавзолея...

И Славкин отец сказал, что Сталина выбросят, а на могиле напишут «Подлюка!» ... Может папе присвоят звание Героя Советского Союза, тогда я покажу всем тем, кто говорит, что я большой на голову».

Ранней весной, когда зацвели подснежники, а в овраге ещё снег лежал, в хату к Боже-ским заявился посыльный из военкомата, одноглазый Шурка Коттель. Усердно сопя, калечный достал из заплечной сумки два приглашения на торжественное собрание по случаю освобождения от румынской оккупации. Вручил Манюсе, под роспись в большом потрёпанном журнале. Пришлось идти, чтоб кто чего не подумал, да и самим интересно, и детям...

Броньке не понравилось. «Тоже мне собрание, хуже, чем педсовет, говорили – лялякали, все старухи плакали, потом вызвали на сцену ба Броню, дали грамоту и платок с цветочками. После выступлений, духовой оркестр исполнил гимн, а потом убрали стулья и устроили танцы. Мама два раза с Адамом танцевала. Красивая. Ба Броня сидела с нами, читала грамоту и опять плакала. И чего она? Незаметно наковырял на сидении между ногами то слово из трёх букв... Этих взрослых не поймёшь, тут радоваться надо, а она... Басю, говорит, жалко... Тётя Надя наговорила своему худосочному Витьке, что я такой же придурок, как наша Баська, и тоже взорвусь когда-нибудь... Хренушки, я из гранат запалы вынимаю. Скоро хутор Флеминду переименуют в Варваровку и поставят тётке Басе памятник, как Зое Космодемьянской в Москве. Повезло! Я, когда выросту, пойду на войну, стану героем, вернусь домой и, если толстопузый завуч с Трушобой попросят выступить на школьной линейке, буду кочевряжиться, потом сжалось. Хорошо бы увидеть море...»

В один из визитов дядя Миша обещал свозить ребят в Одессу, там, мол, зоопарк, море, трамваи. Братья размечтались, но благие намерения родственника никак не превращались в реальность. «Хитрый, наобещал и уехал... Зачем обманывать?»

На летние каникулы Броньку отправили в пионерский лагерь. Он мечтал пожить в палатках, готовить на костре, а их поселили в классных комнатах сельской школы, обозвав палатами. Кормили за длинным столом под навесом возле кухни. Есть давали от пуза, даже добавок не жалели, и все обжирались. Только Людка из третьего отряда не лопала как все. Сама худая, кожа да кости, весом в шестнадцать килограмм, но ела только сладкое, видать больная. Бронька, когда случалось им сидеть рядом, потихонечку отдавал Людке свои конфеты. Один хмарь, гармонист, увидел и давай насмехаться. «Тили-тили тесто – жених и невеста». Неприятно. А хмырь всё ухмылялся и на баяне воображал, Моцарт-Моцарт. Одолел своим пиликанием, особенно по утрам, когда ребят на зарядку выгоняли. Все приседают, скачут, а этот композитор на стульчике сидит – аккомпанирует и льбится... Пришлось мозги прочистить...

Как-то подбил Бронька пацанов груши тырить из хозяйского сада. Груши им «по балде», просто хотели девчонок из четвёртой палаты удивить. Набрали в сумерках полные запазухи, радостно перелезают через забор... прямо в руки старшего воспитателя Михаила Соломоновича, рядом физрук Иван Петрович торчит. "Выследили гады!" Привели в методкабинет, Петрович попробовал одну грушу... Спелые! "А то, станем мы зелень брать". Михаил Соломонович, грозно вращая карими глазами, долго ругал и страшал воришек, затем, пообещав завтра же вызвать родителей, отправил спать. "Вот влипли!" Бронька с Вовкой, переждали, пока все заснут, решили обсудить невезуху, заодно и покурить. Вылезли через окно, зашли за дальний угол, задымили. Бронислав не в затычку, так балуясь, а Вовка вовсю смолит, оба молчат, переживают. Вдруг, на втором этаже, в комнате воспитателей, музыка заиграла, негромко так, подпольно, и полоска света из окна пробивается. "Интересно-интересно, что это там за концерт?" Вспомнили ребяташки про лестницу, оставленную малярами на задах после ремонта. Приставили, смотрят, а в воспитательской банкет на всю катушку. Физрук Иван Петрович на диване с поварихой Евдокией Филипповной врасос целуется, и он, как бы незаметно, рукой её сиську мнёт. Дуська раскраснелась, глаза закрыла и тает, как фруктовое мороженое. Михаил Соломонович с пионервожатой Валькой... Валентиной Егоровной танцует. Валька носом Михаилу в

подмышку прижались и топчется на месте, оба сопят, скоро тоже целоваться и лапаться начнут. Только начальник лагеря Валентин Сергеевич и медсестра Галина Семёновна не танцуют, не целуются, сидят себе, разговаривают, выпивают и закусывают... На столе, застеленном газетами, плетёнка с домашним вином, брынза, два оковалка колбасы и целая гора груш. "Вот гады, чужими грушами угощаются! Оно, конечно, не жалко, но так не честно..." Только решили пацаны, как напакостить воспитателям, стало накрапывать, потом дождь вовсю припустил, и пришлось мстителем обратно в свою палату через окно нырять.

К утру дождь прошёл, пригрело солнце, запели птицы. А на общей линейке всех пятерых пацанов, которые груши таскали, поставили перед строем и айда воспитывать, различными карами стращать. Понятное дело – педагоги. «Воришки» стоят, потупившись, гадают, выгонят или не выгонят из лагеря. Петька безразлично в носу ковыряется. Васька и Витька, пытаясь вызвать жалость и сострадание, жалобно хнычут. Что с них взять, маленькие ещё. Вовка по сторонам головой вертит, ему наплевать, у него отец работает в райисполкоме, что ему сделают? Бронька, на всякий случай, слюнями глаза натирает, раскаяние изображает, да видать тщетно он это затеял, кто ему поверит? Звеньевые по заданию пионервожатой Валентины Егоровны, жгут позором негодное ворье, затесавшееся в красногалстучные ряды. Отряд пионеров – ленинцев, суров и непреклонен. Клеймили долго, так долго, что всем стало скучно, даже воспитателям и вора. Тут из пищеблока Евдокия Филипповна павой выплывает, дескать, стынет всё, пора завтракать, встала в дверях, руки в боки, и смотрит нетерпеливо. Бронька за спинами ребят в её сторону повернулся и подмигивает, показывая глазами на Ивана Петровича и на лестницу, приставленную к окну второго этажа. Дуська засмушалась, раскраснелась, смылась на кухню и в окне за занавеску спряталась. Бронька опять замигал... Не вытерпела повариха, выглянула из двери и поманила физрука к себе. Петрович с лицом праведника, вроде как по неотложному делу, проследовал на пищеблок. Вскоре, но уже с растерянной рожей, проскользнул к старшему воспитателю и принялся жарко нашёптывать ему в ухо. Бронька незаметно пнул Вовку в зад, показал глазами на «Михуила», который переводил глаза то на лестницу, то на Броньку. Вовка сразу «въехал» и громко заорал, что они груши даже не попробовали, а он знает, кто их ел. «Михуил» грозно уставился на Вовку. Угу, напугал... Ежа голым задом. Вовка заревел пуще прежнего. «Михуил» хотя и смутился, но не растерялся. Ещё раз, пронзив бесстрашным, не обещающим ничего хорошего, взором Броньку и Вовку, гордым гусём прочапал к начальнику лагеря. Невысокий Валентин Сергеевич, искоса, коньком-горбунком глядя на высоченного Михаила Соломоновича, выслушал версию про приставленную лестницу, потемнел от возмущения, но в сторону окна даже не повернулся и поманил к себе Валентину Егоровну. «Михуил», «Валёк» и «Валька», бурно посоветовавшись, прервали поток обличений. Валентин Сергеевич ушёл к себе, следом за ним потащились старший воспитатель и физрук. Пионервожатая Валька, поспешно приняв рапорты от звеньевых, тоже побежала в кабинет начальника.

Пионеры, под треск барабана и пердежные хрипы горна, отправились завтракать. Тётя Дуся, наваливая в тарелку Брониславу кашу, шепнула на ухо: «После завтрака зайди». Ну, Броньке-то что? Зашёл.

- Шо цэ ты, байстрюк, там моргав?
- То у вашей мамы дети байстрюки!
- Ладно, извиняй. Кто лестницу приставил?
- Шо за лестницу?
- Сам знаешь. Один подглядывал?
- Ну.
- Баранки гну! Я те не учительша, зараз оприходуя половником по башке! Шо, ну?
- Один, кажысь.

– Ой, брешешь... На вот, карамель. Слышь, ты это, никому не болтай, у меня вчера день рождения был. С ребятами погрызите. Не скажешь?

– Да я ничего не видел, тётъ Дусь, дождь помешал. А груши мы девчонкам хотели...

– Там много осталось. Возьмёшь?

– А отдадите?

– Бери. Не забудь сумку вернуть, лазутчик... Давай, иди. Вы, это, при гармонисте меньше болтайте.

– Понял, тётъ Дусь. Может вам воды натаскать из колодца?

– Иди уж, водонос, на то дежурные есть.

«Гармонист, гармонист, на мехах заплатки, за подляну, гармонист, схватишь по сопатке...» По сопатке, в таких случаях мало, лучше бы «тёмную» устроить, да опасно, его отец в милиции работает. Придумали похлеще «тёмной». Раза два за ночь будили «Мыху-Засцыху» опростаться. Тщетно, утром Галина Семёновна озабоченно разглядывала пятно, с отвращением нюхала... сомнений никаких – моча. Пацаны ж не дураки, пацаны – подлецы. Аккуратно мочились в бутылку и подливали гармонисту в постель... «Мыха-Засцыха», вроде, догадался о причине внезапно открывшейся болезни и вскоре попросился в другую палату. Его, за праведность, там тоже невзлюбили, но ребятам из первой наплеват: они и от стукачка избавились, и тётя Дуся самые вкусные кусочки первой палате выставляла, а Иван Петрович разрешал в тихий час на бильярде играть. Только Михаил Соломонович, соблюдая гонор старшего воспитателя, смотрел сурово. Принципиальный, гад! А куда денешься? Тут свои порядки – лагерь.

Глава 2.

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Советские строители, наращивайте темпы строительства жилых и производственных объектов! Слава строителям коммунизма!

Геологи страны советов, шире и глубже внедряйте передовые технологии разведки полезных ископаемых!

Да здравствуют советские женщины – женщины-общественницы, женщины-труженицы, женщины-матери!

Согласно планам развития города, старый дом, в котором столько лет жила Арктида Афиногеновна, дом, где воспитывался Эрнст, шёл на снос. Народ, пытаясь прописать на скудные квадратные метры как можно больше народу, возбуждённо засуетился. Только одинокая жиличка Офиногеновна – обломок старорежимных времён, восприняла благую весть без должного энтузиазма, какая ей разница в какой коммуне жить. Однако соседи эту перспективу активно обсуждали и высказывали своё отношение, особенно старались два друга, Мишка и Вовка – большие любители пива с воблой и кой чего покрепче, под толковище на общей кухне. Мишка – потомственный пролетарий, работал на номерном, а Вовка – лимита, морозил зад на строительстве. Мужики добрые, покладистые, по трезвяни муху не обидят, «токмо, когда примут маненько», любят пофилософствовать. Кто из нас, из простых советских людей без маленьких слабостей?

– Не-е, ты не прав, Вован, одинокой старухе никакая власть, даже наша советская, отдельные хоромы не предоставит, слишком жирно будет. К тому же, её сын – предатель и полицай, против родной советской власти в войну сражался. О, как!

– Да слышал я, но не пойму, чё это он?

– Чё, чё! Буржуйское племя, гнилая прослойка, одно слово интиллигенция. Мамаша, вроде как, поначалу за рабочих и крестьян выступала, в революции участвовала. Ан нет, против природы не попрёшь, в сыночке-то опять голубые кровья проснулись. Угодил, подонок, в лагерь, так ему и надо.

– Да уж эту итинлингенцию, хрен поймёшь... но старуха-то крепка.

– А то, из живодёров-фабрикантов родом, с соседями знаться ни-ни. Гордая, на кухне почти не готовит, только зря место занимает! Опять же выпить в праздники, спеть там частушки или сплясать топотушки со всеми, это ей запаadlo. Мамзель из себя корчит, по театрам да по филирамониям шастает. Спрашивала недавно такую же мымру из седьмой, была ли та на вирнисаже...

– А чё это такое?

– Да так, культурное мероприятие... Там поэты выступают, художники. Видели мы эти вирнисажи, ходили в культпоходы – одна тоска. То ли дело кино, а уж совсем хорошо – телевизор. Вот ты ко мне на телик ходишь?

– Хожу.

– Правильно, и ты, и твои пацаны смотрят, а мне не жалко. Мы работяги народ простой, даже разъехавшись, будем дружить. Опять же выгода и понимание: женщины карамели сосут, мужики пивко потягивают, хорошо. Не то что эта вобла сухопарая, одна из первых телевизор купила, а посмотреть не даёт. Не зря её из партии вышибли. О, вспомни про говно... вот и оно. Офигеновна, тебя за что из партии-то вытурили?

– Вас это не касается.

– Да ты не серчай, мы по-доброму, по-соседски. Стопарик налить? ... У какая, сопит и молчит. Ну, как знаешь, а мы махнём с устатку... Небось, поперёк линии шла, как мы понимаем... Только напрасно старалась, мы вона какую немецкую глыбу одолели. Победители, не то, что твой Эррка.

– Это вы победители, вы пороха не нюхали, а Эрнст воевал...

– Со шмайсером в руках. Мы-то может, и не воевали, мы на секретных предприятиях трудом победу ковали, в предателях не числимся и почётными грамотами к праздникам награждены. Квартиры, не чета некоторым, нам дадут отдельные. Ты-то, поди, надеешься, как и мы, отдельную отхватить? А, старая, чё молчишь?.. Хрен тебе, а не отдельную. Напились твои дворяне нашей кровушки.

– Мы не из дворян.

– Ишь ты, «мы» !.. «Мы, Николай второй». Не дворянка, так эксплуататорша. Твой Эррка, небось, хотел вернуть свои фабрики, а его цап-царап да в воронку, не смей, мол, народ грабить. Ты, старая, такая же гнида, прятала своего ублюдка, когда он сбежал.

– А вы своего сына не прятали бы?

– Наши дети, будут честные работяги, нам институтов не надо. Честно надо жить, по совести, простых людей уважать, а не строить из себя интиллигенцию.

– Как же, лучше на общей кухне водку пить и туалеты обгаживать.

– У-у ты какая! Чистюля!.. Вот как из тебя прёт нутро буржуйское! Видел, Вова?... Сколько волка не корми, а у ишака хрен толще... Ничё, будешь всю жизнь в коммунах на засранные толчки садиться. Это тебе наказание такое, за грехи предков... Наливай, Вовчик, скоро наши анаконды приползут, не дадут отдохнуть, как следует.

– Арктида Афиногеновна, я извиняюсь, я человек новый и никак не пойму, почему ваш сын против советской власти пошёл? ...

– Ты чё её спрашивать, ты меня слушай, космополиты они недобитые, перекрестились в Социндустриевых и думают, спрятались. Только от народа ничего не скроешь, он всё видит, народ наш... Мы милитаристов в коммунизм не пустим. Понял, Вова?

– Погоди, Миша. Арктида Афиногеновна, такая жизнь вокруг хорошая, а вы назад смотрите, нехорошо это. Вот я, простой рабочий человек, из крестьян, за советскую власть, а ваш сын, который забесплатно в институте учился, против. Как это понимать?

– Что же вы из крестьян в рабочие пошли?

– Дык голодно в деревне-то, и паспортов не дают. Вот я после армии, по набору... Нет, мы не о том. Почему ваш сын...

– Нет у меня сына, сдала я его. Написала заявление в милицию...

– Во, сучка старая! То прячет, то сдаёт. Потому-то вы, буржуи, загнивающий класс. Век вам в комунах коротать, за грехи свои. Ты, Вовка, деревня тёмная, она тебе и не то набуровит, а меня не проведёшь. Жаль разъезжаемся, не-то я бы ейнюю комнату занял, когда её наше государство в фанерном ящике похоронит. Даже тут пытаются на чужом горбу... Захребетники, хорони вас за наш счёт. Наливай, Вова, и я пошёл, нечя тут с этой лясы точить... Не, сперва унитаза обоссу, бушь знать, гнида царская, как зазря рабочий класс поганить. Революцию они нам устроили, умники...

– Благодарение недостойному есть злодеяние. – Арктида, забрав вскипевший чайник, ушла в свою комнату.

– ...Слышь, Миш, я не понял, чё она имела ввиду?

– Чё, чё, благодетельствовала она, нас недостойных.

– Почему недостойных?

– Работяги мы, как пахали на них при Николашке кровавом, так до сих пор пашем и пахать будем, помяни моё слово. Вот так-то, друг Вова, а ты говоришь «штаны, штаны», ни-фи-га, это те же кальсоны, только говном наружу. Ну, бум, и я пошёл спать, мне сегодня в ночную смену. Для военки заказ делаем, только, т-с-с, ты никому, поал...

Арктида Афиногеновна, налив чаю, уселась за стол. Работа, взятая на дом, не шла. В глазах маячила хамская рожа Михаила. «А ведь он правду говорит, чтоб не садится на общий унитаза, придётся с горшком бегать, всю жизнь... Наивная я, в революцию верила, в народ. Вот тебе народ, благодарность и расплата: ни сына, ни семьи, только пьянь на общей кухне, да ворох дел, лишь бы забыться. Чего жду, кому служу? Собственный сын, родная кровь, честный человек в тундре прозябает, а я делаю вид, что всё хорошо, что его реабилитируют. Всю жизнь умной себя считала, только, как была восторженная курсистка, такой и осталась. Надо биться за своих, а не за эфемерное «освобождение человечества» ... Прав Мишка, вот и полезло из меня буржуйское нутро...» Арктида Афиногеновна открыла чистый лист.

Глубокоуважаемый Василий Альфонсович!

Недавно получила от Вас добрую весточку. Очень рада, что Ваши дела пошли веселей. Теперь у Вас имеется молодой, сильный помощник, и Вы добываете достаточно песка, ловите много рыбы. Касательно моей скромной персоны, то особо подлых изменений нет, однако вскоре предвидятся и очень важные. Наш дом подлежит сносу, и всех обитателей коммунального общежития расселят по разным адресам. Соседи сим обстоятельством весьма довольны, я тоже, тем не менее, в значительной степени истомлена и издёргана. От сына Эрнста вестей нет, его даже милиция перестала искать, более года не спрашивают. Как следовало ожидать, жена Эрика вышла замуж. Просила больше ей не звонить и не помогать материально. Я её понимаю и не осуждаю. Мария чрезвычайно любит своих детей, и не стала бы без серьёзных причин идти на подобный ответственный шаг. Внуки мне не пишут, даже не соизволят прислать бабушке открытку на праздники. Сватья Бронислава Казимировна написала длинное и подробное письмо. Очень извиняется, но рада за дочь, поскольку им женщинам, без мужской силы в хозяйстве и воспитании мальчиков не обойтись. Verte

Многоуважаемый Василий Альфонсович, кланяйтесь Вашей супруге, жаль я её никогда не видела, может и не увижу, поскольку наши годы не располагают к радостным встречам. Да

и здоровье желает быть покрепче. Василий Альфонсович, если Вас не затруднит, перешлите с оказией, немного замечательных снадобий, которые готовит Ваша супруга. Мне они очень помогают. Возможно, Ваш родственник Кузьма сможет приехать в ближайшее время, то транспортируйте с ним, я была бы искренне и всецело благодарна. Только пусть заблаговременно отправит депешу, я встречу на вокзале и устрою в гостиницу. Надеюсь Абрам Иванович передаст моё письмо Вам. Я ему опишу отдельно. Простите меня за бестолковое изъяснение. Пишу в полном смятении чувств. Примите уверения в совершенном почтении. Евфимия Туманова.

P.S. Буду весьма благодарна, если Вы известите меня о получении этого письма.

Через полтора месяца скорый поезд привёз северянина в столицу. Его встречала мать, как всегда худощавая, строгая и спокойная. Она одиноко стояла на перроне Ярославского вокзала отдельно от всех встречающих. У Эрнста защемило сердце, стало невыносимо жаль, и её, и себя. Время не щадит никого, прежде всего матерей. Он пошёл прямо в её сторону, но встретив строгий взгляд, остановился, достал бумажку с несуществующим адресом, стал делать вид, что внимательно читает. Спустя некоторое время мама подошла сама.

- Вы случайно, не Кузьма Чупров?
- Кузьма. Вот приехал... Ты не болеешь, ма?
- Очень хорошо, пойдёмте к такси. Я вас устрою в квартире сослуживцев, они в отпуске, в Крыму. Как доехали?
- Нормально, ма. Может мне в гостиницу?
- Нет, регистрация лишний повод для проверки. У тебя паспорт в порядке?
- Почти. Немного грязный, потёртый.
- Фотография твоя? Прописка есть?
- Прописан в Нарьян-Маре, в общежитии рыбозавода. Фотография старая, я как мог, подстроился. Вроде, похож.
- Сколько лет? Холост?
- Кузьма? ... Кузьма холост, ему сорок три.
- Ты, можно сказать, тоже. Мария вышла замуж.
- Я знаю, читал. Но дело не в Манюсе...
- Кузьме надо жениться.
- Ты знаешь про Лу? Ма, она очень славная...
- Кузьме надо жениться на мне. Сорок три вполне подходящий возраст для сумасбродной старухи, вроде меня... Не перебивай. Мы подадим заявление сегодня. Потом нас распишут, я возьму твою фамилию, пропишу тебя и получу отдельную квартиру. Далее мы разведёмся, но твоя прописка останется. Не перебивай. В будущем ты волен делать, что угодно, жениться, на ком угодно, жить, где захочешь. Не надо слов, в такси помолчи и обдумай. Я узнавала, расселять жильцов будут по разным районам. Выберу самый дальний и неудобный, чтоб в дальнейшем не было проблем с бывшими соседями. Сядешь на заднее сиденье, расплатишься с водителем. Деньги есть? ... Хорошо. Определённый риск имеется, но это относительно безопасный способ легализоваться в советской паспортной системе. Ты всё понял, Эрик?
- Да, ма.

По возвращению домой, Кузьму ожидал ещё один сюрприз – Сойка, обернувшись гагарой, слетала к старухе Я-Небя и попросила для Луэль душу младенца. Я-Небя, долго и недовольно ворчала, отгоняла надоедливую птицу клюкой, но следом за гагарой на третий ярус неба приполз дух когтистого медведя – Консыг-ойка. Он тоже стал канючить для Луэль душу младенца. Я-Небя позвала птицу Минлей и, обернувшись в старуху Я-Мюня, слетала к Деве Марии, матери русского Бога Иисуса Христа. Матерь Божья встретила Я-Мюню очень привет-

ливо, напоила чаем, угостила ягодами солнца – апельсинами и поведала, что Кузьма, в Москве поклонялся Сыну Божьему Иисусу и просил у Него счастья для своей жены Луэль. А счастьем для женщины из фратории Пор, как и для всех женщин Земли, является младенец. Старухе Я-Небя стоит проявить понимание к просьбе великого шамана из рода совы и не скупиться на души младенцев для прекрасной Луэль. Поблагодарив Матерь Божью за добрый совет и угощение ягодами солнца, старуха Я-Мюня, сидя на спине птицы Минлей, отбыла на третий ярус неба. Там щипала траву гагара, и чесал загривок Консыг-ойка. Я-Мюня превратилась в старуху Я-Небя, достала из сундука душу младенца и отдала её гагаре. Консыг-ойка, удовлетворённо зарывав, растворился в грозовой туче. А гагара с душой младенца в клюве прилетела на факторию и тихонечко, стараясь не побеспокоить мирно спавших собак, впустила новую душу в узенькую щелочку, что под входной дверью балка.

Луэль приснился дивный сон: маленькая рыбка голян, игриво выпучив глазки, щекочет хвостиком в её животе. Женщина, счастливо улыбаясь, проснулась и долго нежилась в лучах восходящего солнца. В чреве молодой матери зародилась новая жизнь.

Глава 3 ЧИМПИЁН

Слава советским спортсменам, победителям в международных соревнованиях!

Учителя, повышайте идейное воспитание, боритесь за искоренение пережитков прошлого!

Да здравствуют грандиозные свершения советской науки и техники, успешно осваивающей просторы космоса!

Учитель физкультуры Иван Степанович, тот, про которого все знали, что он ранен осколком в жопу, считался среди учеников самым толковым, честным и порядочным. Если Степаныч видел, что пацаны курят, то не орал, не ташил к директору, даже не занудствовал про лошадей, убитых каплей никотина. Просто давал подзатыльник, не больно, но убедительно прибавлял: «Я тебя к соревнованиям не допущу». И не допускал. Этого было вполне достаточно, чтоб физику не попадаться с папирской в зубах. Бронислав курил невзатяжку, но тоже опасался. Первое место в районе по прыжкам в высоту второй год доставалось ему. «Вырасту и стану чемпионом области или мира... Запросто. Всем было важнее – не то, как выше прыгнуть, а как мягче приземлиться на кучу опилок». Он не трусил и побеждал.

Последнюю награду за прыжки Бронислав получил в седьмом классе, весной...

На православную Пасху, с утра, как и положено в Светлое Христово Воскресенье, солнце, разогнав густой туман, брызнуло яркими лучами. Земля парила, птицы гомонили, коровы мычали, козы грызли набухшие почки. Весна! Предстоял отменный денёк. Благодатные старухи, отстояв всюнощную, всласть намолившись, освятив куличи, галунки да прочую снедь, брели с белыми узелками к своим хатам. Встречая ровесников и ровесниц, размашисто крестились, кланялись в пояс, троекратно лобызались, поздравляли с праздником. Младая поросль – сплошь пионеры и комсомольцы, ловко уворачиваясь от поцелуев своих бабушек, спешили на стадион. Там, в пику попам, организовано антирелигиозное мероприятие – районная спартакиада учащихся средних школ. Однако, ожидаемого атеистическими властями, антагонизма отцов и детей не наблюдалось. Юные спортсмены, с удовольствием откусав пасхальных куличей и прочей праздничной снеди, самоутверждались в спорте. Старики же не усматривали в спартакиаде ничего, кроме хорошего. Не работать же внуков заставляют, а соревноваться. Это в Пасху никакой не грех, даже наоборот. Итак, положительная комплиментарность поколе-

ний, обусловленная кровной привязанностью, не дала прогнозируемого методистами райкома разделительного эффекта. Да разве можно говорить о настоящем противостоянии, коль сами властьдержущие, ничуть не гнушаясь, с большим аппетитом завтракали освящённой снедью. Новое в жизнь приходит не вдруг и не сразу, длительное время соперничая со старым. И ещё не известно за кем победа.

К православной Пасхе Бронислава под недоуменными взглядами Адама напекла пирогов, накрасила яиц, с утра выставила на стол четвертушку водки. Благочестивый католик не устоял. Что-что, а выпить Адаська не дурак, не то чтоб пьянствовал или пропивался в чистую, нет, пшек был прижимист, бережлив и страстный любитель халявы. Оттого ба Броня постепенно разочаровывалась в новом зяте. «Примак, не примак? У самого хата просторная, но живёт у нас, денег не даёт и сам не тратит, намекая, что на новый дом копит. Какой там дом, люди? ... Подлая натура! Больно кручён да хитёр, всё себе на уме. Детям в праздники по «рваненькому» сунет, а разговоров на червонец. Тьфу!»

От досады бабушка вознамерилась насыпать Адаму на хвост соли – обратно в схизматики податься, как при покойном Комарницком... Трудная задача, попы ба Броне не больно-то по душе... Пока же пыталась изводить зятя понаставленными в красном углу большой хаты православными иконами. Пшек, косясь на святые лики, неодобрительно сморкался, но молчал.

Бронька давно послал бы отчима на все тридцать и особенно три известные буквы, но... «Маму жалко, кажется, он ей нужен... От отца ни звука, ни весточки, может и вправду убили. У, твари легавые! Плохо. Такой у меня батя хороший был: сильный, храбрый, высокий, красивый, молодой... Ничего, скоро я сам вырасту, заработаю много денег, куплю себе часы, как в раймаге, который недавно открыли... Вот бы зайти, а там никого нет, ни продавцов, ни заведующей, ни сторожа... Себе часы, маме часы, Галке часы... Остальные продать и купить мотоцикл... С Галкой на заднем сидении по улице Ленина... И в Михайловский лес! ... Галка меня не замечает, ей Валерка своим мопедом мозги запудрил. Мотоцикл не мопед, это моща!»

На стадионе ребят полно. Физруки сельских и местечковых школ суетятся, орут в рупор... Иван Степанович за опоздание на Броньку «полкана» спустил. Можно подумать, что он самый последний пришёл. С большим спорить, себе дороже, Бронька и так знал, что выше всех прыгнет. Как-то, при очередной размолвке бабушки с Адамом, мама ехидно заметила, что «прыгучесть у Бронислава от тёти Баси, не иначе». Бабушка неодобрительно промолчала. Что они имели в виду, Бронька узнал позже. И ничего подобного, она от румын через забор сигала, а Бронислав как спортсмен, через планку. «Может мне, тоже памятник поставят. У нас в роду куда ни кинь, сплошные герои: дедушка, папин отец – герой Туркестана, дедушкин брат Василий – Герой Гражданской войны, победитель петлюровцев и польских интервентов. Мамина сестра – героическая партизанка, не допустила немцев к переправе. За такие заслуги всей семье именные сабли или часы положены... и мотоцикл».

Сенсаций на спартакиаде не произошло, Бронислав прыгнул выше всех, хотя старший физрук из второй школы, однорукий цацап, пытался доказать, что, мол, зацепил планку. Ну, зацепил!.. Она же не упала. Иван Степанович своих в обиду не даст, первое место сильнейшему присудили. Вечером физруки, в брусья пьяные, шли по улице Пионерской, распевая фронтовые песни, громко спорили, чья школа спортивнее. Тут их и встретил заведующий районо, одноглазый Борис Михайлович по фамилии Цапушел. Вполне подходящая фамилия, если учесть, что ему в детстве глаз коза выколола. А у всякой козы муж – цап. Козу зарезали, шкуру на барабан натянули. Говорят, она до сих пор служит. В неё старый Петро Шевчук на крестинах бухает. Толку-то, у Бориса Михайловича, глаз все равно не видит. Ничего, он с одним достаточно пакостил. Если бы не Бронька с Петькой Бочковым, физруков, за пьянство, за аморальное поведение и матерную брань, шуганул бы Цапушел из учителей как миленьких. Повезло фронтовикам...

После войны увечных хватало с излишком. Хромых, кривых, безруких никто не воспринимал как людей, неспособных к труду. Ну, подстрелен в жопу или контужен голову, так что ж теперь дома сидеть? Иди офицер, учи детей, как гранату бросать, чтоб им как тебе руку не оторвало. Кстати, кацап из второй школы преподавал физкультуру ничуть не хуже Ивана Степановича, и уж получше слепого историка из первой школы. Историк, кажется, был озлоблен и на учеников, и на весь зрячий мир. Заучил наизусть партийные съезды, сессии Верховного Совета и долбал датами школяров и в хвост, и в гриву! ... Адам, после очередного вызова Манюси в школу, изрёк нечто, как всегда не совпадавшее с общепринятым взглядом на педагогику и действительность. «Да знаю я, этого хмыря-историка, воевали в одном полку. Ослеп после Львовско-Сандомирской операции от спирта. Нам, рядовым выдавали по нормам, а офицерам без ограничения». Бронька задумался.

«Врет, небось, Адам, завидует. Сам-то на фронте только двумя медальками и одной нашивкой за ранение обзавёлся». Бронислав посмотрел на ба Броню, она скромно возилась у печи. «Значит, не врёт Адаська. Это у пшека бывает. То-то же историк не раскрывает тайны своей инвалидности, мол, в танке горел, или глаза от контузии вывалились, и на День Победы не награды на френч лепит, а только колодки, которые любой дурак в магазине купит. У нас в школе всякие учителя преподают. Например, учитель пения, Григорий Петрович – почти нормальный, только запойный... Каждый год меня в школьный хор приглашает, хвалит... Адам сказал: «Той Григорко Остапчук – полицай. После войны ему впаляли... как и некоторым, положенные десять лет». Откуда он это взял? А ба Броня сказала: «Что мелешь? Сам знаешь, Гришка в оккупацию детей учил, а ему приписали сотрудничество с румынами. Если бы все люди были такими полицаями и предателями, как он... И некоторые, на земле не было бы «беспорочных», как эти всезнающие». Правильно сказала. Григорий Петрович и мой папка не могли быть предателями... Потому что не могли. У нас в классе только Толька Гоменюк обзывал Григория Петровича полицаем. А у самого отец? ... То сектантом прикидывался, то чай курил, чтоб заболеть туберкулёзом и не идти на фронт по здоровью. Мне про это Адам говорил, а Адам врать не станет...»

«Этот Толька, такой наглый... Обещал продать наган, принёс совсем заржавленный казачий пицаль». Бронька отказался. «Да с него, Тимофей, сын Богдана Хмельницкого, стрелял». – «Когда?» – «Когда дурковатые ляхи, как ты и вся твоя семья, издевались над трудовым украинским народом, поняв? ... А жида вам помогали...» Получив в ухо, Толька отбежал и завёл свою любимую: «Прийшов хохол, насрав на пол, прийшов кацап, зубамы цап. Хохол каже – фэ, кацап кажэ – дай щэ». Кацап, как и лях, это Бронислав. Догнать стихоплёта не удалось... «Ох, как же не повезло мне с родословной: я и лях, и кацап, и папа мой в тюрьме... и пропал».

Анатольку Бронислав поймал в туалете школы на следующий день. Получив пендалей, хитрюга успокоился, а может и нет, всё приставал со своим пицалем, настырный. «Этот Гоменюк очень напрасный, у Григория Петровича за один урок три пятёрки отхватил».

Учитель пения по воскресеньям случалось подрабатывал, не столько для денег, сколько для души играл на немецком аккордеоне тем, у кого крестины, именины, проводы в армию. Чтоб не обижать хозяев, выпивал. Дело житейское. В понедельник утром, опохмелялся и на урок. Нарисовал однажды на доске скрипичный ключ, присел за стол, чтоб обновить в памяти ноты. Искал их в своих тетрадях, искал, искал... и, устав от поисков, уснул, склонив голову на стол. Ученики, как обычно, сидят себе кучками, пацаны вполголоса страшные истории рассказывают, девчонки сплетничают, никто по коридорам не бегают, не орёт, только Гоменюку не сидится. Написал на доске: «До-рэ-ми, фасоля си, едет Гришка на такси» и рожи корчит. Классу не смешно. Тогда он химическим карандашом нарисовал свастику на лысине учителя. Кое-кто подленько подхихикнул, хотя все понимают степень личного участия в совершающейся подлости. Первым не выдержал Зюня Розенблум – известный правдолюб. Зуй запросто показал директору школы «по локоть», когда тот не очень хорошо про его папу отозвался. Толька, к

месту и не к месту певший про жида, бегущего по верёвочке, с «Блюмой» давно не ладил. Зюня с места сказал: «Слышь ты, кукрыникса, кончай выёживаться!» – «Жопе слова не давали», – Гоменюк явно нарывался. Зуй побагровел, встал. Толька толкнул учителя в плечо и запричитал: «Григорий Петрович, а Блюма меня убить хочет, спасите душу православную!» Учитель, спросонок ничего не понимая, переводил взгляд то на Зюню, то на Тольку. Гоменюк не унимался. «Григорий Петрович, а он вам на лысину из авторучки брызнул. Случайно». Затем плюнул на ладонь и потёр учителю по плешке. Девчонки сдержанно прыснули в парты. Свастика превратилась в грязь. «Прекрати, Гоменюк! Вот я твою маму в школу вызову. Впрочем, не стоит, она такая же, как и ты». Григорий Петрович достал носовой платок протёр лысину. Склонив голову к классу, доверчиво спросил: «Всё вытер? А так? ... Розенблум, надо осторожней с авторучкой. На чём мы остановились? ... Кто это написал? ...» Толька метнулся к доске, полустёр написанное. «Гоменюк, сядь на место». «Сами написали и сами – сядь». Григорий Петрович раздражённо схватил наглеца за шиворот, толкнул от доски. Толька «изобразил рожу», разбежался между рядами парт, притворно споткнулся и с грохотом упал на пол. «А-а! ... Люди добрые, полицаи убивают радянских пионэриэ! Всё, иду в милицию...»

Учитель побледнел. «Толя, ты что, ты как, я не хотел. Вставай, Толя, мы с тобой гаммы пройдем. Давай. До, ре, ми... Молодец, «пять». Садись на место». – «Дулю вам, Григорий Петрович, вы в прошлый раз мне ни за что двойку поставили, исправьте». – «Толя, разве можно...» – Григорий Петрович, хлопая красными как у кролика глазами, умоляюще смотрел на шантажиста. – «Иду в милицию, вы мне руку вывихнули, тут вам не гестапа». – «Ладно, Толя, исправляю, вот уже стоит». – «И на следующий раз, наперёд поставьте». – «И наперёд, Толя». Прозвучал звонок, учитель, взяв классный журнал, униженно поплёлся в канцелярию. Класс с изгаженными душами вышел на большую перемену. Ничего обсуждать не хотелось.

На спартакиаде Толька опять пристал со своей «фузеей». Цену сбросил... Бронислав уже согласился, но тут подошёл Петька Бочков и, ни слова не говоря, пнул Тольку под зад. У Гоменюка из карманов посыпались крашенные яйца – галунки. Толька, по обыкновению отбежав, остановился на отдалении, чтоб выкрикнуть свои пакостные стишки, но, посмотрев на Петькино лицо, передумал. «Ты за что его?» – «За брата, все галунки у пацана выиграл». – «Ну и что, он меня тоже победил... По-честному». – «Зелёным яйцом?» – «Ну, зелёным...» – «Оно деревянное, это по честному?» – «У сука!» Опять Гоменюк всех обманул... На Пасху пацаны стучались острыми концами «крашенок». Разбитое яйцо отдавалось победителю. Всё должно быть по-честному, без деревянных подстав. Бронислав расстроился. «Ладно. Ты что вечером делаешь?» – «В баню хотел...» – «Какая баня, сегодня Пасха! Тут есть одно дело, пойдёшь со мной? ...»

Петька был старше, заканчивал десятый класс, а Бронька только седьмой, тоже выпускной. Они пели в школьном хоре, участвовали в школьных спартакиадах, как ему откажешь? Тем более что Петро предложил нечто, полностью совпадавшее с устремлениями Бронислава. К тому же, делов-то, на четверть часа. Ударили по рукам и пошли в чайную выпить портвейна. Бронька портвейн не пробовал ни разу. Сладкий, не то, что самогон. За приятным занятием незаметно стемнело, и ребята перешли к осуществлению ещё более захватывающего.

В первую очередь отнесли Петькиному крёстному, дядьке Сашке Пердяку, бутылку самогонки и кусок ливерной колбасы. На «краковскую» у Петьки средств не хватило, а у Броньки денег почти не водилось. Однако «нанашко», узрев праздничное подношение, остался доволен. Оглядевшись по сторонам, предложил отужинать вместе. Скромно отказавшись, молодые ушли. Старый, надёжно спрятав под лежанку «ружо», перекрестился, произнёс свой знаменитый тост: «Прощай разум, завтра встретимся» ... Вскоре Сашка Пердяк – сторож райунивермага мощно захрапел.

Навесной замок на магазине совсем хлипкий... Врезной покрепче, но и ребята оказались не хилые... Зашли, набрали полные карманы часов, посыпали следы махоркой... Петро махру

заранее приготовил, от собак, чтоб ищейки со следа сбились. Не дураки же они, на дело пришли в полном снаряжении: – фонарик «Даймон», лом, табак, даже перчатки. Всё предусмотрели, кроме мешков. Пришлось распахивать по карманам. Ничего, часы наручные – маленькие, карманов много. Всё путём прошло, просто тип-топ. Вышли, прислушались. Кругом тихо, только из сторожки доносятся характерные звуки, как нельзя лучше совпадающие с фамилией Петькиного крёстного. Прикрыли дверь, чтоб случайному прохожему в глаза не бросалось, и айда домой.

Тогда-то приятели встретили пьяных физруков, во всё горло вопивших «Если завтра война...» «Слышь Бронька, впереди кого-то чёрт несёт, давай за забором у Бабы яги отсидемся». Бабой ягой звали Агнессу Янковскую, самогонщицу, жившую напротив детского сада. «Бурачанку» дядьке Сашке ребята у неё брали. Заскочили в огород, прислушались. Тут и пьяные подошли – физруки, свои люди. Бронислав вознамерился подарить Ивану Степановичу позолоченную «Победу», но Петро отсоветовал. «Пусть всё успокоится, и дари кому хочешь». Приятно иметь дело с умным человеком, Петька и «фомку» принёс, и табак от собак захватил, такой дурного не посоветует. Через месяц подломают книжный магазин, там приключения, детективы, фантастика!..

Идут пьяные педагоги, шатаются, а навстречу им заведующий районо Борис Михайлович. «Товарыши вчителя! Вы в яком виде? Шо вы соби позволяете? ...» Читал морали долго, читал бы ещё, но безрукий кацап вдруг спросил: «Ты, курдюк бараний, ты на немца в атаку ходил? ...» Цапущел, затрудняясь с ответом, злобно буравил кацапа одиноким глазом. Иван Степанович, желая разрядить обстановку, выдал: «Он молодой ишо, под стол пешком ходил, когда мы с тобой в атаку... Борьку не обижай. Я ж его маму знал, может, он моё дитё...» Однорукий не унимался: «Раз дитё... тем более говно! ...» Распалив душу воспоминаниями о фронтовых буднях, кацап с кулаками наперевес ринулся в атаку. Борис Михайлович позорно бежал. Физруки, поймав резкость, узрели хату Бабы Яги и решили добрать ещё по сто пятьдесят наркомовских на каждую гвардейскую грудь. Глуховатая Язя, расслышав громкий стук поздних визитёров, вышла на крыльцо с коромыслом в руках. Однако, настоящих героев этим предметом не запугаешь. После недолгой, но предметной дискуссии о правомочности празднования Пасхи в Советском Союзе, дала фронтовикам бутылку самогона за деньги и налила ещё по сто пятьдесят без денег, в память о погибшем под Яссами муже Мирославе. Физруки, вдохновляя собак боевой песней, скрылись в темноте переулков. Бронислав с Петром, поклявшись в вечной дружбе, разбрелись по домам. Очень хотелось спать.

Надёжно спрятав часы в курятнике, напустив на рожу невинность, Бронислав зашёл в хату, а его уже ждут, не дождутся. Мама с дежурства пришла, бабушке помогает на стол накрывать, брат возле стола крутится, лакомые кусочки отхватывает. Только пьяненький Адам, без дела сидит. Весь из себя шутейно-иронический, пасынка за спортивные достижения подкалывает. «Ванька нахвастался». Хотел Бронислав показать им грамоту за первое место, но её в кармане не оказалось, видимо в курятнике обронил или в чайной. Мама с бабушкой и без того поверили, а Адаська перебьётся. Дружно поужинали, легли спать.

«Я им всем часы подарю, даже Адаму...»

Грамота нашлась утром, когда Бронислав досматривал третий сон. Щербатый милиционер, дыхнув вчерашним, праздничным перегаром, удовлетворённо спросил: «Твоя? ... То-то же, мы её пид прилавком нашли. Збирайся, чимпиён?»

Глава 4

СУД СОВЕТСКИЙ

Да здравствует народная демократия страны Советов!

Комсомольцы-ленинцы, все на поднятие целинных и залежных земель!

Да здравствует, кубинская революция, несущая ветер свободы на Американский континент!»

Следствие было недолгим, обвинение кратким. Судить несовершеннолетних грабителей решено показательно, в актовом зале родной школы. Поставили на сцену столы из учительской, покрыли зелёным сукном, принесли стулья, графин с водой, стакан и школьный звонок. Броньке с Петькой поставили «скамью подсудимых» – лавку из живого уголка. Её ножки, изгрызенные кроликами, должны были показывать – такие выродки не достойны сидеть на стульях и даже табуретках.

На старых табуретках у окна, посадили заплаканных матерей. Главному судье принесли кресло из директорского кабинета, над ним повесили плакат – герб Советского Союза, украшенный венками из колосков пшеницы и початков кукурузы. Герб смотрелся как-то не очень сурово, даже празднично, и "дирик" велел убрать его. Вместо плаката приволокли портрет Анастаса Микояна, он хотя и не имел отношения к происходящему, но в сумерках сцены зловеще смахивал на Сталина, обгаженного на двадцатом съезде партии. Директор поразмышлял и, велел заменить Микояна на Фридриха Энгельса, ушёл встречать судебские власти.

Народу набилось, как семечек в тыкве. В первых рядах учителя, родители отличников, далее лучшие ученики – представители старших классов и общественники других школ. Малышню, из педагогических соображений, в зал не пускали. Нечего их страшить, не понижают ещё. На налётчиков смотрели с нескрываемым интересом, как будто впервые видели, на бедных матерей с немим вопросом. «Как же вам не стыдно? Ваши сыновья – поганые выродки, посмели опозорить нашу школу, наш район, нашу советскую страну! Как вы, нерадивые матери, воспитав расхитителей государственного имущества, можете смотреть людям в глаза?» Мамы, не смотрели. Стараясь быть незамеченными, не поднимая глаз, скорбно сидели на предоставленных им колченогих табуретках. Да, по правде сказать, гордиться было нечем. Государство бесплатно учило, ребята одеты, не голодали, имели крышу над головой и вдруг...

Первым вышел упитанный, "дуже интигентного" вида очкастый завуч, злорадно поглядел в сторону вору, поднял школьный звонок, прозвонил и произнёс классическое: «Встать, суд идёт!» Все вскочили, замерев в напряжении. Из боковой двери на сцену взошли суровые люди... Преступники, подумав, что все вошедшие в зал дядьки и тётки – судьи, похолодели. Да, пощады ждать нечего, впаяют как миленьким. На следствии, рябой мильтон, который осенью женился на учительнице немецкого языка, и она забеременела, говорил, что их преступление тянет от трёх до пяти, как судья решит... Это ж если каждый из них решит только по три года, не говоря уже про пять! ... Броньке стало грустно, Петьке тоже, на столько лет в тюрьму не хотелось. Не то чтобы тюрьма представлялась, как нечто страшное, нет...

Бронька, ещё сидя в камере, задумался даже размечтался, как отсидев срок, придёт домой, выйдет на речку, пошлёт пацанов к бабе Мотруне за вином и станет, по-блатному кривя губы, рассказывать всякие страсти-мордасти о тюремной житухе. А Галка будет, как бы по неотложному делу шастать мимо них, пока он её не окликнет...

«Курево, естественно, только «Казбек». На груди выколю орла с распростёртыми крыльями, на правом предплечье русалку, на левом – сердце с именем Галя, пробитое финкой и истекающее кровью... Конечно же – «Не забуду мать родную». Что бы ещё? ... А, на ягодицах – двух негров, которые при ходьбе изобразят кочегаров, бросающих лопатами уголь. Но это будет видно только, когда одеть атласные плавки о трёх пуговичках сбоку. Буду лежать на пляжу, весь в наколки, кругом пацаны, а я им так весома, с хрипотцой в голосе: «Тюрьма, пацаны, не курорт, зона – жуткая школа жизни...»

Правда, когда их схватили и заперли, ничего ужасного не случилось, кормили, приносили передачи от мам. Броньку никто не бил, а Петьке дал в ухо его же крёстный Сашка Пердяк, когда пришёл утром с ментами арестовывать племянника. Двух позолоченных часов «Маяк»

менты не досчитались, но Бронислав отдал все, и Петька тоже. Записали утраченные часы и сломанные двери, как убытки от грабежа, на двоих поровну. Получилось целых сто восемьдесят семь рублей, тридцать шесть копеек, новыми. И вот теперь суд пришёл... Подсудимые молча угрюмо ждали, что будет дальше.

Главный судья, похожий на портрет члена политбюро Суслова, уселся в директорское кресло, рядом на венских стульях две женщины в пиджаках: одна с косой на голове, нос картошкой, другая стриженная, востроносая. На противоположной стороне сцены за отдельный стол посадили красномордого одноглазого судью со шрамом и синими точками на лбу. Ещё одну судью в очках и пуховой шали на плечах, посадили за парту рядом с матерями преступников, видно ей стола не хватило.

Главный судья строго посмотрел в зал, тихо постучал наливной авторучкой по графину. Зал затих. Судья надел очки, впёрлся в бумажки и монотонно загугнил что-то малопонятное, перемежая свою речь «главами УПК», «статьями УК» и прочими ещё более непонятными словами. Здорово, Бронька с Петькой и не знали, что действовали по статьям, они думали, что просто воровали. «Суслов» читал, пока не устал, потом дал сказать кривому красномордому со шрамом. Ну, тот и понёс: тоже про УК, и про УПК, и про социалистическую ответственность, про колоски, про что только не кричал, аж шрам побелел от натуги. Воришки ничего не поняли, кроме того, что виноваты, что посадить их надо далеко и надолго, чтоб не мешали советскому народу запускать спутники, осваивать целину, бороться с колорадскими жуками... Или... вроде, это они были колорадские жуки? ... Чёрт поймёт. Сидят воришки, потупив головы, незаметно перешёптываются. Тут пошли выступления активистов. Клеймили долго и активно.

Особенно старалась Галька, с которой Бронька собирался в Михайловский лес, мечтавший выколоть её портрет на левом предплечье, и всё такое... Вот гадина, можно подумать, он для себя воровал... Тут, не выдержав позора, поднялась Петькина мама тётя Муся и закричала: «Ой, Пэтью, дытына моя ридна, шо ж ты наробыв!» Все повернулись в её сторону, а она, побелев, упала на пол. Петька рванулся к матери, но сидевший сзади милиционер, тот скуластый, который раньше в МТС молотобойцем работал, схватил преступника за шиворот и усадил на место. Позвали медсестру Фаину Борисовну, дали тётя Мусе понюхать нашатырь...

Судили до девяти вечера, Петькина мама ещё три раза падала в обморок, кричала, что во всём виновато полицейское отродье, а её сынок рос без отца, убитого на фронте. Петька, вслед за матерью непонятно бубнил, горестно расшатываясь, кивал и плакал. Бронислав уже хотел с этим согласиться, поднял руку, но мама строго поглядела и отрицательно покачала головой. Бронька руку опустил. Давали слово той в очках, которая сидела за партой и куталась в пуховый платок. Позже Адам разъяснил, что это была защитница, адвокат называется, но кто ж тогда разберёт. Она тоже говорила про статьи, про УПК, УК и просила суд отдать ребят на поруки коллективу школы. Зал возмущённо роптал. Поднялся Иван Степанович, по привычке повёл плечами, откашлялся и стал говорить про Бронькины успехи в спорте, про Петькиного отца, убитого на фронте и незаживающие раны войны. Когда физрук вспомнил про раны, зал оживился, даже у «Суслова» по лицу пробежала тень улыбки. В местечке многие знали место ранения фронтовика. Хороший он учитель, но не понимает, что здесь всё это ни причём, что за воровство положено отправить в тюрьму. Впрочем, в тюрьму мало, надо сбросить в шурф шахты, как Молодогвардейцев... и все, наверно, жалали, что у них нет шахты. Мамы тоже про поруки говорили, и учитель физики Николай Иванович, и воришки, как их учили, тоже промырили про поруки. Плакали мамы, плакали воры, плакали зрители в актовом зале...

В местечке года полтора шли разговоры про показательный суд, пока не сгорела пекарня с двумя молодыми девушками, проработавшими там только восемь месяцев. Событие в пекарне обсуждалось бурно, но не очень долго, а про суд некоторые вспоминали ещё лет десять.

Когда главный судья читал приговор, так есть хотелось, что Бронислав ни о чём не мечтал, кроме хлеба с сахаром и стаканом воды, который давали по утрам в камере. То, что «Суслов» отпустил их на поруки, он не понял, а когда дошло, не обрадовался, даже разочаровался и почувствовал какую-то неприязнь к судьям. Домой шли втроём: мама, Бронька и Адам, отстоявший в коридоре всё время суда. Шли молча, дома Манюся упала лицом на кровать, горько разрыдалась. Бронислав почувствовал себя мерзавцем и сволочью. Ба Броня, выдворив его с Адамом на улицу, присела на кровать.

Стояла середина мая, цвели сады, в воздухе гудели майские жуки – хрущи. Адам достал папиросы, закурил сам, протянул пачку Брониславу. Пасынок не удивился, прикурил, затянулся и не закашлялся, наоборот в голове просветлело.

– Перетрухал?

– Ну. – Брониславу не хотелось разочаровывать Адама.

– Ладно, не тот молодец, который ударит, а который выдержит. Быть тебе, Бронька, в этом местечке вечным грабителем и бандюгой.

– Я знаю...

– Шо ты знаешь?.. Крипаки мы панские. Если б не война, так бы и не вкусили духа вольности. С фронтов возвратились казаками, а нас обратно в ярмо, да в стойло... Ладно, помолчу, не то сосед подслушает и стукнет, кому следует.

– Я теперь буду хорошо учиться, в комсомол вступлю...

– Угу, в одно дерьмо ты уже вступил... На кой тебе эти часы сдались?

– Не знаю, хотелось.

– Ясно, что дело тёмное. Видел, как Муська Бочкова маневрировала? Тебя в паровозы, а Пэтю прицепным, порожним. В обмороки падала, сука! ... Сынок её тоже хорош.

– Петька на меня не валил.

– Угу, не валил, только ревел, как дитя неразумное...

– Маму стало жалко.

– А тебе не жалко.

– Моя не плакала, не падала...

– У неё из-за тебя выкидыш получился, саму едва спасли. Считай, брата убил. – Адам яростно затянулся, закашлялся и, отвернувшись, незаметно смахнул слезу.

– Я не знал, я не хотел...

– Теперь не вернёшь. Может тебе к бабке податься, к Антарктиде? Там большой город, затеряешься, никто и не узнает про часы... Москалём станешь, ты такой же, как они, с придурью, не то шо мы – козаки подъяремные. Русские, Бронька, народ отчаянный, как и поляки, мы тоже бываем дурноватые – в тридцать девятом на немецкие танки с саблями бросались. Только кацапы народ покрепче, я на фронте понял.

– К ба Арктиде мама не отпустит.

– Шо да, то да... Кажись идёт, брось папиросу... Ногой, ногой наступи. Марусь, ты? А мы тут озоном дышим. Всё путём, Маня, всё путём...

Со свидетельством о семилетнем образовании и соответствующей характеристикой, мать с сыном отправились в Одессу к дяде Мише. Брониславу купили новый костюм, рубашку и даже кожаные ботинки. Раньше он летом носил коричневые парусиновые туфли с кожаными носками и задниками, зимой кирзовые сапоги, а тут... На автобусе ездить приходилось, теперь предстояло прокатиться на поезде. Приехали на станцию. "Поезда – просто атас, вагоны с зеркалами, это общие, а в купированных как в кино. На столах абажурчики, стаканы в подстаканниках, запахи приятные. Жизнь совсем меняется! Только из-за такого стоило магазин ломануть. Даже если в Одессе не выгорит, не беда. Оказалось не так уж страшен суд, он же наш суд, советский".

Глава 5 СБЫЛОСЬ

*Юноши и девушки, шире овладевайте знаниями и профессиональными навыками!
Да здравствует СССР – могучая и несокрушимая держава, надёжный оплот безопасности мирового социалистического содружества!*

Комсомольцы и комсомолки, выше знамёна коммунистических идей!

Одесса – класс! Народу, как в местечке на первомайской демонстрации, только без флагов и транспарантов. Вокзал огромный, с часами, ступеньки гранитные и сразу асфальт, тротуар, фонтан, вокруг люди отдыхают, пожилые. Что им ещё делать? Ни тебе огорода, ни свиной, ни коз. Городские бабушки издали вроде и не старухи, а нормальные женщины. Уж не чета местечковым бабуленицам в тёмно-зелёных шерстяных платках. Одесские бабки почти как из кинофильма «Зелёный фургон» и такие же странные, как учительница математики Соня Исааковна: в шляпках, губы напомажены, на дряхлых щеках пудра. Говорят на русском языке, как-будто здесь не Украина. В Одессе все люди говорят на русском, улицы мощёные, трамваи звенят, троллейбусы щёлкают... Планетарий! На Пушкинской улице в густых деревьях вороны галдят... гадят. Легковые машины так и снуют. Красивый город! Бронька много увидел, пока шли.

Михаил Васильевич жил недалеко от вокзала на улице Свердлова, угол Чкалова. Манюся с сыном дошли пешком за семнадцать минут, хотя могли (так им объяснил сухонький старичок в соломенной шляпе) минут за пять, ну, за восемь доехать на такси. Бронислав теперь фиксировал время всех переходов по трофейным наручным часам – подарок Адама перед отъездом, на прощание. «Адаська рад портки свои отдать, чтоб меня не видеть. Подумаешь, очень хотелось с пшеком под одной крышей жить, вот бы папа живой был...»

Дверь приоткрыла девочка-школьница. Через цепочку сказала, что никого из взрослых, кроме бабушки, дома нет. Непрошенные гости сильно огорчились. Манюся попросила позвать бабушку, но девчонка, странно улыгнувшись, захлопнула дверь. «Не очень приветливая девочка», – растерянно констатировала Манюся и, выйдя на улицу, устало присела на скамейку у остановки. Бронька не унывал, Одесса ему нравилась! За двадцать девять минут проехало пять троллейбусов в одну сторону, восемь в другую, четыре раза их спрашивали, как пройти на Кирова, в парк Шевченко, в Отраду и на Лонжерон. Эх, если бы он знал, как...

Через час сорок две минуты из троллейбуса выскочил чем-то озабоченный дядя Миша. Бронислав вежливо поздоровался, дядя удивлённо буркнул «здрассти» и пошёл дальше. «Ничего себе, финты ушами!» ... Броник оторопел, а дядя Миша повернулся и недоверчиво спросил: «Эрик?..» Тут он увидел Манюсю и сверкнул двумя золотыми зубами.

- Манюся, штоб мы все были здоровы!
- Здравствуй, Миша, вот решили зайти к тебе.
- Это, таки, хорошо. Аня мне позвонила, я в сомнениях. Надо было предупредить, телефонировать...
- Не телефонный разговор.
- А што такое?
- Проблемы с Броником, хотела просить у тебя помощи.
- Так шо ж мы тут стоим? Ко мне заходили?
- Дома только Аня и бабушка.
- О, эта бабушка, эти Кларины Берковичи, с их сумасшедшими родственниками из Бердычева! Навязались на мою голову! Я так понимаю, вам надо переночевать?

- Миша, извини, мне надо пристроить Броника, если нет...
- Манюся, зачем этих извинений? Пристроить на учёбу?
- В крайнем случае, на работу.
- У него, таки, есть паспорт?
- Есть. – У мамы по щеке поползла слеза.

– Манюся, если вы полагаете, что у Миши Борщевского плохая память, то вы сильно заблуждаетесь. Слушайте, что вы мне тут голову морочите? Зачем нам смотреть этих Берковичей с их безумной бабушкой? Мы сейчас пойдём в кафе, сядем и обо всём договоримся. И где ваши вещи? Если это чемоданы, то я, таки, Крез. Пошли. – Дядя Миша рванул вперёд, родственники за ним.

- Дядя Миша, а почему в Одессе говорят на русском, это ж Украина?
- Ха, Украина! Одесса, молодой человек, это вам не Украина и не Россия. Одесса... это Одесса, почти Порто-франко. Ты понял?
- Не, но мне нравится.
- Ещё бы, Одесса и не нравилась. Што вы знаете за Одессу?
- Тут море...
- Не смешите меня, тут аж три моря: море жлобов, море жидов и ещё сплетничают за какое-то Чёрное море. Ты куда хочешь?
- В мореходку.
- Ну, это к Дюку.
- К какому Дюку?
- Ришелье. Который день и ночь торчит на Приморском бульваре со свитком в руке. «Вот вам виза, вон там море...» Ты его ещё увидишь. Как вам нравится кафе «Ромашка»?... Садитесь за столик, который в углу, а я поговорю с девочками, чтоб нам принесли настоящий харч, а не общепитовскую блевантину. Манюся, может-таки, ви прекратите шарить по ридикилям? Или вам доставит наслаждение похвастаться видом потрёпанных купюр?..

Конечно, в мореходку, как и в индустриальный техникум, поступать с Бронькиной характеристикой... Читая её, дядя Миша вскидывал брови, морщил нос, трогал указательным пальцем проплешину на макушке. Закончив изучение, малость подумал, отпил глоток пива и выдал резюме в стиле жителей Мясоедовской улицы.

«Да, это не десять заповедей и даже не моральный кодекс строителя, знаем какого. Этот документ! ... с красивой подписью и круглой, гербовой печатью – плацкартный билет туда, где пахнет кедровой делянкой. Уникальный образец педофобской мысли, отягощённой скудоумием и графоманией. Надо иметь и язву, и больную печень, чтоб излить столько желчи на одной странице, я уже молчу за голову сочинителя. А стиль изложения! ... Куда там произведения Салтыкова-Щедрина и жалкие сценические потуги товарищей Тарапунькии и Штепселя. Последний, кстати, абориген славного города Одессы, его мама троюродная сестра шизанутой тётки вашего покорного слуги. Однако вернёмся к дивной верительной грамоте, я бы сказал «путёвке в жизнь», выданной отроку за подписью и. о. директора школы. Сквозь рубленные строки произведения угадываются знакомые очертания одесского кичмана с ясной перспективой на Владимирский централ... Бронислав, я вас умоляю, сохраните сей артефакт для потомков, этим в двадцать первом веке будут пугать внуков ваших внуков. Не будь я героический участник подполья «Красные Подолы», друг Эрика, родственник Манюси, я бы, по окончании прочтения одного педагогического перла, выскочил бы на середину Канатной и возопил к городовому о спасении меня любименького от малолетнего грабителя и маньяка. Но не будем на ночь вспоминать церберов монархизма и прочую сволочь, ибо, благодаря моим маме и папе, мы, таки, живём в самом демократическом государстве, из всех на Земле... Не стоит обращать

внимание на злобные, ироничные, я бы сказал саркастические, улыбки прихвостней капитализма и мирового империализма. Их демократия поклоняется золотому тельцу, наша – партии, а партия служит рабочим и колхозникам... О чём я? ... Да, о партии, которая торжественно заявила, что наше поколение будет-таки жить при «коммунизме». А кто против? ... Никто. Но пока наступит светлое будущее, народ Одессы намерен получить обещанные сто граммов масла на свою душу населения и подумать: «А не положить ли сверх масла ещё и кусок колбасы, ветчины или паюсной икры? ...» Икра это уже на любителя, не будем касаться её нежных округлостей своими грязными обывательскими мыслями, поскольку она продукт номенклатурный... О чём это я опять? А, в ученики токаря с предоставлением общежития пойдёте?..»

«Да!» – выдохнул Бронислав. «Пойдёт», – подтвердила мать.

Общежитие рабочих механического завода располагалось в дореволюционных казармах пролетариев канатной фабрики, но реконструированных по стандартам передовой коммунальной мысли. Убрали из комнат глупые рукомойники, покрасили чистой белой известью пошлую лепнину, закрыли скрипучие паркетные полы гигиеническим линолеумом современного серого цвета, повесили лозунги, выпустили стенные газеты, установили радиоточки, провели электричество, посадили вахтёров. И потекла новая жизнь передового класса страны советов... Советов в общежитии имелось великое множество: от примитивных – как лучше открыть бутылку пива о край стола, до философско-прагматичных – «учись– не учись, а на одну зарплату не проживёшь». Однако, вопреки обилию советов, ученик токаря Бронька поступил в вечернюю школу рабочей молодёжи. С точки зрения соседей по комнате – склонность некоторых хитромудрых к учёбе носила потаённый смысл. В то время как нормальным работягам приходилось горбатиться в две-три смены, учащиеся «вечерних» выходили на работу исключительно в первую смену. Гегемон шершавой шкурой мозолистых ладоней чувствовал вопиющую несправедливость и не допускал мысли о какой-то жажде познания, о прочей интеллигентской дребедени. Но, как всякий великан, будучи добр и покладист, величественно позволял. Ладно, пускай ходит пацан в школу, мал ещё другим заниматься, через год два подрастёт и побежит как мы, через улицу в общежитие работниц камвольно-прядильной фабрики.

О, невинные Нимфы и Наяды, слетевшиеся в трёхэтажный особняк славного женского общежития из степных хуторов, сёл и местечек! О, вы, ставшие лимитными Горгонами, где ваше былое целомудрие? В далёком провинциальном прошлом, в родительских хатах и в средних образовательных школах.

Фабричные девчата запросто посещали холостяцкие покои рабочих механического завода, а заводские ребята были вхожи в светёлки фабричных невест. Визиты, в установленное администрацией время, носили просветительский, морально-эстетический и культурно-развлекательный характер. Исключительно в целях проведения тематических вечеров советской поэзии, передачи передового опыта по организации рабочего места, исполнения песен советских композиторов и, иной раз, танцев под пластинку.

Броньке жутко нравилась городская жизнь. Он с упоением читал Светлова, Рождественского, Евтушенко, брэнчал на гитаре, представляя, как приедет домой... «Нет, Гальку вспомнить не хочется... Среди фабричных девушек ничего хорошего, в основном двадцатилетние старухи или ещё более древние с романтичным блеском в глазах. Дуры! Друзей в общежитии и на заводе пока не обрёл, к дяде Мише заходить не хочется, уж больно его Клара гордая и фанаберистая. Разговаривает как с дебилом, да всё с подковыком... Анька, их дочка, вроде, хорошая девчонка, на скрипке играет, разговаривает красиво, но соплюха ещё... прыщавая. Несколько раз просила встретить её в субботу возле школы и проводить домой. Понятно, перед подружками выпендриться, что и у неё есть мальчик. Не жалко пусть выхваляется, только, кажется, она что-то себе придумала? Вообще-то, городские девчонки ранние и красивые, не то, что наши сельские, одна другой «краше» ... Целомудренных из себя корчат. Одесские все симпатичные... правда, только когда принарядятся, «зашпаключются». Местечковые краситься

ни-ни, а этим хоть бы хны. Выйдут из школы, зайдут за угол, и ну стрелки подводить. Конечно, их дома за это не сильно ругают. Не то, что местечковые матери, те сразу за подол и давай им дочерям по рожам драить да с руганью, чтоб, не дай бог, отец помаду или румяна не заметил. Правильно Адам про крипаков говорил... Мама раз в неделю по вечерам на вахту звонит. Скучают, обещала на то лето приехать, Ивану море показать. А что его показывать, в нём купаться надо. Я домой не вернусь ни за какие коврижки, останусь жить в Одессе, поступлю в техникум. Меня комсорг Сашка Пушкарь, который возле окна спит, обещал в комсомол принять. Говорят комсомольцам и спортсменам легче по конкурсу пройти. Пойду, запишусь на баскетбол, прыгать в высоту что-то не тянет. Так, чуть не забыл, надо решить примеры по тригонометрии».

Поздней осенью, после ноябрьских праздников на вахту заступил Григорий Иванович Цыбулько, подпольная кличка – Котовский. От него пахло винным свежачком, хамсой и благодушием. Заведующая общагой добрейшая Вера Сергеевна, погрозив работнику турникета пухлым пальчиком, покинула, вверенное ей в подчинение, здание. На столе вахтёра мгновенно нарисовалась: фугаска красного креплёного, хлеб, ветчинно-рубленая колбаса, завершали натюрморт два гранённых стакана, позаимствованных из автомата газированной воды, что установлен на улице Белинского угол Отрадной. Змеи-искусители в лице жильцов подведомственного механическому заводу общежития, весело набулькали по полной и чокнулись с дядей Гришей, принципиально употреблявшего только из своего «бокала» – эмалированной кружки с голубым цветочком. Счастье разлилось по щекам «Котовского» и отрикошетило в сердца проходивших мимо вахты фабричных девчат. Вахтёр лихо подкрутил рыжеватые от табака усы, заговорщицки подмигнул сотрапезникам, взял в руку полную кружку... а в это время на столе возникла следующая фугасочка! ... «Ямщик, не гони лошадей...» -, чувственно промурлыкал дядя Гриша и осушил «бокал».

Ближе к полуночи Броник аккуратно сложил учебники, расстелил постель и приготовился отойти ко сну. «Куб суммы двух чисел равен кубу первого... Утром надо ещё раз проштудировать Устав комсомола...» В коридорах угадывалось волнительное брожение, из красного уголка долетали звуки музыки, то вероятно завершался тематический вечер по произведениям одесских композиторов. Довольно поздно... «А почему бы и нет, завтра выходной...»

Бронислав сладко зевнул. «Я живу в замечательной стране! Где, в какой стране мира уголовников берут на поруки, предоставляют место в общежитии, еженедельно меняют постельное бельё, разрешают готовить на общественной кухне? Какие капиталисты устраивают в красных уголках, тематические вечера? Меня, малолетнего преступника, бесплатно обучают токарному делу, даже платят стипендию! Я учусь в вечерней школе, играю в баскетбол в спортивном зале завода, иногда даже на стадионе «Черноморец». Могут ли о таком мечтать всякие негры из какой-то Алабамы? Жаль, что нас разъединяют океаны, иначе бы все американские негры перебежали бы в Советский Союз. Больше я ни за какие блага не украду у родного государства. Поступлю в комсомол, потом в техникум, в институт... Странно, почему рабочие Финляндии массами не пересекают границу в районе Выборга? Капиталисты не пускают, кто на них будет работать? Жалко бедных рабочих всего мира эксплуатируемых капиталом. Пора спать...»

Ему приснилась речка детства, но впадавшая в море. По морю, под красными флагами плывут пароходы, над ними летят самолёты. В одном из них лётчик Бронислав... Нет, он не лётчик, он сам по себе летит и смотрит на прекрасную жизнь, на девушек в белых блузках и бордовых, расклеванных юбках, танцующих чарльстон. Точёные ножки в туфлях на высоких каблуках, обтянуты прозрачными чулками. Чулки сияют капроновым блеском и струятся стрелками от туфель вверх под интригующие взор подола. Девушки сплошь красавицы, модно подстрижены, губки накрашены, брови подведены. Они танцуют и поют в унисон:

Девки суки, девки ****и

Отцепили член у дяди.
Дядя в ужасе рыдает
Член по воздуху летает.

А над морем кружат белые чайки и голуби мира и выше всех его «сталистый» ... с банкой мёда, повешенной на член хромого Ясинского. Девушки с хохотом отцепили гениталии, они полетели с голубями мира под самые тучи. Хромой горько заплакал и, схватив мешок с часами, побежал прочь. Бронислав, увидев милиционера, работавшего молотобойцем в МТС, испугался, рванул за хромым. Они неслись по улице Свердлова, бывшей Канатной, тяжело дыша, теряя по дороге часы. Часы не жалко, главное убежать, но тут пьяный мент схватил Бронислава за плечо и, натужно хрипя, стал щекотать кошачьим хвостом в ухе! Бронька, яростно увёртываясь, проснулся...

Сверху, ельзя языком в его ушной раковине, наклонилась фабричная краля из тех, что следили за ним воспалённым взглядом. «Что ей надо? ... Кажется, её звать Люся?» Рядом на койках храпели товарищи по комнате. Люська, выдыхая винные пары, целовала и гладила, гладила и целовала, потом сползла ниже, схватила Бронькин член зубами!.. Он с ужасом подумал, что откусит, но ничего подобного не случилось. От облегчения Бронька поплыл... Разохотившись, намотчица так наматывала, что неопытному придумать сложно... Завершив цикл, Люсьен наливала им по стакану портвейна, и они пили, потом... «целовались» затем снова пили, пока не уснули... Как любил повторять Сашка Пушкарь «Целовалась бы исчо, но болит влагалисчо». «Грубиян» подумал уставший Бронислав, засыпая под мирное сопение Люсьен.

Ранним утром, проснувшись от странных звуков, Бронислав увидел, как его краля галопирует у окна верхом на Сашке. «Значит, она меня не любит, а ещё комсомолка», – огорчённо констатировал молодой рабочий и отвернулся к стене. «Первый раз случился вовсе не так, как я себе это представлял... но тоже хорошо, даже саднит... А я не промах, не хуже хромого, могу, сколько надо, хоть сейчас, только, после Сашки противно».

Двадцать четвёртого января, комсомольцы токарного цеха единогласно приняли в свои ряды, ряды передовой советской молодёжи ученика токаря – Бронислава Божемского. Сбылось.

Глава 6 ЛИГО

Да здравствует передовой советский народ, впервые в Мире запустивший человека в космос!

Учиться, работать и жить по-ленински, по-коммунистически!

Позор американской военищине и их приспешникам!

В ночь на Ивана Купала Брониславе Казимировне не спалось. С четырёх до семи утра моросил мелкий дождь, после дождя за рекой, в поросшем орехами овраге, печально куковала кукушка. «Совсем как дома в Вильно, теперь Вильнюс столица Литовской ССР. Может съездить? ... Теперь не сороковые... те времена прошли, сейчас людей за родственников не сажают... больше за воровство. Кто знает? Грабовского уперли в психиатрическую больницу почти ни за что. Хороший человек, да здравого рассудка мало, наивный. Искал правду и справедливость в газете «Правда Подолии», послал им снимки изобличающие секретаря райкома. Из газеты фотографии прислали в райком и предложили разобраться. Разобрались, теперь «Баба Вася» бесплатно лечится, а первый секретарь райкома стал вторым, но в обкоме... Опять кукует, проклятая, душу разбередила! Нечего мне делать в Вильно, и писать не стану. Вот бы найти то золото, ведь было же оно... Ох, не к добру такие мысли, и что это я? ... Ну да, празд-

ник Лиго. Схожу-ка я в лес на вторую поляну, там родник... Хорошее место – священное, не зря посредине вековой дуб стоит. В нём наверняка Носолум водится. Местные люди ничего не знают о «Том», обитающем в ветвях священного дуба. Дубы уважают, но им не поклоняются, а если поклоняются, то не Носолуму, а просто могучему дубу, возле которого их предки гулевали. Тоже хорошо вспомнить своих... Ануси нет, Бася погибла, Вася больной и дуре достался, совсем с ума сошла, молодая, а заговаривается. Приберусь в доме и пойду, может Носолум подскажет, жива ли Ануся».

Дорога шла через речку мимо каменных карьеров, где все, кому не лень, добывали песчаник. Ленивых в местечке много, каменные дома не строят, предпочитают саманные, но фундаменты каменные. Бронислава с узелочком в руке осторожно пошла через «кладку» – цепочку валунов на широком и мелком перекате. Однако сегодня вода поднялась выше обычного и грозно бурлила между камнями, видимо где-то дожди прошли. На правом берегу цыганка Сонька со своим выводком ждали пока пройдёт Бронислава, кладка освободится, и они пойдут на базар. Приветливо поздоровались. Цыганята, шмыгая носами, устремились на камни. Сонька не спешила, успеется. С утра пораньше народ ходит между рядами, ищет товар получше, подешевле, только когда устанет, можно заниматься гаданием.

– Шо, тётя Броня, от Ани ничего не слышно?

– Откуда, Соня? – «Бродяжье племя, нутром чуют людские мысли».

– Может вам кто погадает? В Сороках есть одна...

– Грех это, Соня, Бог запрещает.

– А вы в церкви не говорите.

– Бог накажет.

– Может и не накажет, вы ж не на себя гадать станете. На себя может быть и грех, а спросить за дочку не грешно.

– Ну, так ты погадай.

– Соседям нельзя гадать, только чужим.

– Да? ... А как её найти, твою гадалку?

– На цыганской горе, туда с Бужеровки автобус ходит. Как только заберётесь, будет магазин скобяные товары, от магазина по этой же стороне улицы, через три хаты, дом с террасой, покрашенной голубой краской. Там она и живёт.

– Как её звать?

– По-вашему Света. Только, вы много денег с собой не берите. Возьмите сколько не жалко, мелкими, и тогда уж все отдайте. Не жалейте.

– Как же я назад поеду?

– Купите заранее обратный билет.

– А без этих цыганских хитростей не обойтись?

– Я, тётя Броня, говорю вам по-хорошему, по-соседски, а вы поступайте, как хотите.

– Ладно, Соня, не обижайся. Спасибо на добром слове. Вот тебе три рубля...

– Вы шо, тётя Броня! ...

– Бери, возмёшь детям гостинцев.

– Нехай сами заработают, лучше Анатольке вина куплю.

– Как знаешь, бывай здорова. – Бронислава продолжила свой путь.

– Тётя Броня, сегодня большой праздник – Ивана Купала, солнцеворот, попросите у бога поворота судьбы.

– Иди уж, Сонька, другим советуй.

Бронислава, раздосадованная встречей, вышла на брусчатку, проложенную в тридцать третьем году, заключенные мостили. Она помнила те времена. Голодовка косила людей семьями, в основном единоличников. Многим тогда не верилось, что хлеб может просто лежать на столе, и никто не захочет его тотчас съесть. Колхозникам тоже было голодно, но не до

смерти. Потом с продовольствием наладили, единоличники исчезли, и жить стало легче. За голодными заботами люди мало обращали внимание, на возню военных. Про тайное строительство намекали, шептались, но говорить открыто боялись. Отрывки брусчатки существовали повсеместно, порой в самых глухих местах, в то же время улицы местечка даже не равнялись и не засыпались щебёнкой. Позже говорили, что всё это безобразия произошло по злему умыслу врагов народа, затесавшихся в руководство страны. Возможно, но скорее всего обрывки дорог служили прикрытием при строительстве Укрепрайона. Тёмное это дело, сами строили, сами же и взорвали».

Брониславе не хотелось встречаться больше ни с кем, и, сойдя с брусчатки, она пошла по крутой глинистой тропинке через кусты, мимо кривобокой, покрытой жухлой соломой хаты. В убогом жилище с незапамятных времён уютилась семья Онысько, в людской молве – Турчики. Со времён Речи Посполитой ходила легенда о происхождении несчастного семейства, но насколько она правдива, определить невозможно. Ей ещё покойный Стасик рассказывал...

«Давным-давно, когда Бессарабия была под турками, а на нашем, на левом берегу русскими людьми управляли ляхи, то часто случались турецкие набеги. Нападали на христианские земли и крымские татары, и турки-янычары – искусные и отчаянные воины. Янычары эти, существа сплошь дивные, совершенно разные по виду не то, что славяне, мадьяры, или даже татары. У иных башка бритая, рожа круглая, другие собакоголовые, иной мурин чёрен телом на башке две рожи чёрная вперёд смотрит, белая – назад, случался янычар жёлтый бывал и с хвостом, и с козлиными копытами. Разные они были, но все турки-янычары. Что это за твари христианам понять трудно, да и незачем, ибо и без попа ясно – иноверцы все, бесовское отродье... В те памятные времена, на месте нынешнего сельпо, там, где при строительстве дома культуры прораб ПМК Витька Коваль откопал глубокие сводчатые погребя, стоял замок-фортеция родовитого шляхтича Януша Замойского – грозное укрепление с мощными стенами и боевыми башнями. Старые люди сказывали, что строили фортецию пленные казаки, а руководил строительством немец Геденрейх, сам в белом парике синем жупане с золотыми галунами и в белых панталонах. Выстроили, значит, замок, ксензы его освятили, православный люд втихомолку хозяина проклятьями осыпают и незаметно плюют. Плюют в ту сторону, где над главной брамой, красуется выложенный мозаикой портрет-парсуна владельца-основателя. Хорош лях, истинный сармат – носатый, усатый, краснощёкий с пронзительным взглядом умных серых глаз. По червлёному жупану два ряда золотых пуговиц, в руке символ власти – золотая булава. Чуть выше портрета родовой герб «Елита» – на черном поле да три скрещённых копыя в окружении начальных букв имени и титула. Под портретом надпись – «Ян Сариуш Замойский, высший военачальник и канцлер коронный, общины Янпольской года 1580 основатель». Даже в мозаичном облике угадывались незаурядный ум и гордыня основателя. Амбициозный Ян Сариуш на польский престол метил и почти не бывал в своём имении, всё больше по границам колесил, союзников искал. А маенток, отданный в руки управляющему Мацею Лядовецкому – старел, ветшал, пользовался дурной славой. Челядь польских кровей, забалованная паном Лядовецким, нежилась в высоких покоях, лакала хозяйские вина, заедая жирными гусиными паштетами. Оно и понятно, что ни поляк, то пан, а пану многое позволено. Местных схизматиков в лакеи не допускали, холопам не место в палацах, их удел – навоз и быдло на заднем дворе. Однако сказывали, что ходила в прислуге гарна дивчина руських кровей Марыся Онысько – чёрнобровая, белозубая, волоокая. И понравилась красуня Марыся, управляющему пану Мацею, и дабы добиться взаимности у казачки, приступил гонористый пшек обихаживать дивчину, подарками да льстивыми словами увещевать. Тщетно поганый силы тратил, ибо сильно люб был Марысе казак Кондрат Качалаба, родом из села героического из самой Буши. Славный был легинь Кондрат, могучий и гордый, да силы не равные с гнусными «пшеками» тягаться. Подстроили слуги Лядовецкого казаку подлость, якобы он намерился поджечь замок. Поймали героя, долго пытали, но не удалось им сломать волю козацкую. От бессильной злобы

повесили ляхи бедолагу за ребро на крюк, так в страшных муках отдал Богу душу православный Кондрат Качалаба. От горя Марыся повредила умом, взбежала сердечная на стену замка и бросилась в реку, чтоб утопиться... Бог спас. Вынесла пенная стремнина горемычную на бессарабский берег, туда, где сейчас паромная переправа, там и выловили её турки-янычары. Ловили с умыслом дабы продать красавицу в столичном городе Стамбуле. Однако, повреждённая умом не лучший товар на невольничьем рынке. Вдоволь поизголявшись над несчастной, турки, в знак дружеского расположения к Речи Посполитой, прислали безумную обратно на левый берег. Что от них, от магометан некрещеных, ещё ждать? Пан Мацей, пожалев христианку, не стал выгонять её за стены замка, а отдал на скотный двор, где ночевала Марыся в яслях для быдла и питалась вместе с дворовыми собаками. Вскоре родился у безумной сын, смуглолицый, кудрявый с печальными карими глазами и шестью пальчиками на правой ножке. Люди назвали выродка Турчиком и на всякий случай сторонились. От того и пошли те Оныськовы Турчиками прозываться, по непонятным причинам одновременно оберегаемые и презираемые местечковым людом".

Поселились Турчики в землянке на ничейном косогоре, поросшем полынью, ковылём и чёртополохом. Так и обитали с тех пор и до нынешних. Перед самой войной надстроили Турчики над землянкой саманные стены, обмазали жёлтой глиной, покрыли соломой, вот и всё жилище. Заросла хатка со всех сторон чумаками и, взирая из зарослей подслеповатыми окнами, существовала почти незаметно. Длинные листья растений, напоминавшие пальмовые, испускали неприятный запах напоминавший дух тлена. Никто не сажал эти растения и не терпел их возле дома, а безумные среди них жили. Что возмёшь – Турчики.

На порог мазанки, держа в одной руке ведро с помоями, в другой годовалого малыша с чумазой, сопливой рожницей, вышла хозяйка Хима Турчик. «Нелёгкая тебя вынесла! ...» Бронислава замедлила шаг в надежде, что Хымка вернётся в хату. Но у Хымы были свои виды. Заметив Брониславу, она, стоя над крутым склоном, куда обычно сбрасывали мусор все поколения, проживавшие в жилище, терпеливо ждала.

Выглядела Хымка как всегда нелепо: на голове большой клетчатый платок, завязанный двойным узлом где-то сбоку выше левого уха, фигура худая, живот большой, выпученные глаза, блестящие диким, невежественным огнём вперились в Брониславу. «Упрямая, наплотила пятерых и, судя по всему, останавливаться не собирается. От кого она их рождает? ...» Старший мальчишка Славка был одного года с внуком Ванюшкой, даже учились в одном классе. Ваня перебивался с тройки на двойку, иногда приукрашивая дневник явно незаслуженной четвёркой, а Славка сплошной отличник. Внутренне Бронислава оскорблялась на Турчиков, сами безумные, к тому же лодыри, а их Славка отличник. Ей казалось большой несправедливостью такое положение вещей. Из сеней выскочила грязная лохматая собачонка и, звонко залаяв на незнакомку, проходящую мимо её дома, оглянулась на хозяйку. Хыма шикнула на собаку, и, пожелав счастливой дороги, плеснула из ведра через тропинку грязной водой... примета такая – хорошая. На пороге показался длинный, худой Вася Турчик – брат Хымы, за ним высыпали детишки.

– Здрости, Тётя Броня. – Семейство явно желало общения.

– Добрый день.

– Если вы в лес, за ветками к празднику, то липа ещё не зацвела.

– Жалко.

– Но есть одна с цветом, на первой поляне. Послали бы Ваню, ему Славка покажет. Славик! – Из хаты вышел с книжкой в руках худосочный лупоглазый Славка. – Славик, сходи с тётёй Броней в лес, покажи ту липу с цветом.

– Не надо, я сама.

– Расскажи тётё Броне.

– Да там она, возле развалин Дымчуковой хаты, через крапиву проберётесь и увидите. – Славка, явно не желавший прекращать чтение, шмыгнул в заросли чумаков.

– Тётя Броня, ваша Аня жива. – «Что они сговорились с Сонькой! ...»

– Откуда мне знать, – не очень любезно буркнула Бронислава.

– Я знаю, жива. Замуж вышла, за сарацина.

– Что за сарацин такой?

– Человек такой – сарацин. Вера у них сарацинская. Сами тёмноволосяе, курчавые и, как евреи, обрезанные. Мне мой дед говорил, а ему его прадед рассказывал, что скоро всю землю железная паутина заплетёт, по небу железные птицы летать станут, тогда придёт на землю грозный сарацин... Сбылось всё, тётя Броня, самолёты, провода...

– Не сарацин, – возразил сестре брат Вася, – а муэдзин и позовёт людей на молитву.

– «Безумные, что возьмёшь?» Ну, я пойду...

– Погодите, тётя Броня, я вам квасу вынесу. Вася, заспывая тёте Броне про Латипак и Ануммок. – Хымка проворно метнулась в тёмный проём мазанки.

Глядя на Бронислву влажными лягушечьими глазами, Вася Турчик достал из сеней рассохшуюся бандуру, изрек нечто непонятное – «ЛАТИПАК И АНУММОК» Тренькая заскорузлими пальцами по расстроенным струнам, «Перебендя» загугнил свою песнь напыщенную, глупую и бессмысленную, настоящий бред сумасшедшего:

«Гой вы гей, козаки, люде добрые,
Послушайте кобзу мою гласом звонкую,
Молвой вещую, притчей мудрою.
Давным-давно, в поры дивные, стародавние,
Во години воладоеф, живали языцы, языцы Тефаи
Гуляли языцы в юдоли Апорве.
И приспели онде пеняжники родом кицвотсор.
Следом гряде реснота, знамения, мор.
И на нивы Тефаи пало вороньё...»

Последовал дикий аккорд, собачка задёргала ухом, оскалилась. Вещун самозабвенно продолжал:

Геенна бесовская меж языц витает.
Каркает поганая, прахи раздирает
Возопили патриархи «Осанна, Состирх,
Спаси, Авва от напасти, аки чад своих!»
Простёр длань благий Состирх Апорве ошуюю
Константину Эллину простёр одесную...

Бандура затренькала успокоительно:

Гой вы, люди-христиане, страдайте, поститесь.
Творите поклоны и Христу молитесь.
Аз есьм юродивый без роду, без доли
Рече Турчик правду-матку, имам ветра в поли.
Меж Отца и Сына унизоша зависть,
Посеяв в Юдоли вражду да ненависть.
И восстали, ужики, брат, с ножом на брата
Смежили грехами златоглавы врата.
Опустилась мгла густая на луга, на нивы
Захрипели удавленные, содрогнулись ивы.

Текут реки чермные, стенанья и стоны
Беснуются, грабят, режут обои стороны.
Но спустился долу, кроткий в триедином Худ
Ублажил свят души злые и развеял блуд.

Кобза забренчал почти весело, собачка увлечённо чесала за ухом.

Опомнились род Тефаи, и люд кишвотсор
Воздавали богам храмы, смывают позор.
Выспрашивают лукавые прощения с небес...
Да камнями полно недро, как то ведал бес.

Звуки, исходившие от разошедшейся бандуры, дополнил фальцет собачьего воя.
«Господи, зачем я пошла по тропинке?» – подумала Бронислава, а Вася, закатив глаза, обливаясь потом, продолжал повествование.

Мрежи бесов невидимы, посулы их зело щедры.
И Мамоне, внемля, богатеют ины люде токмо до поры.
Алкают, лепты не гнушаясь творяше оные обман,
Убогих, тёмных обымати набиваше си карман...
И являлся дух в Апорве, бродил меж языц
Зрак убогий, тща, пира, тяжатель сует.
Скрам маститый, худог ярый, писаше, завет
Рече книжник парамея завет Латипак.
«Гой потомки Тефаи, люде кишивотсор
Внемлите пророкам вашим, вострите топор!»
Глаголили зле языцы прати Авонамор
Буйство в главы худородных, буйи во чертоги
Камо грядеши, боярин? Угонзаю ноги.

Завывания пса и какофония дурацкой бандуры нарастали. Турчик, поскользнувшись на птичьем помёте, шлёпнулся задом, чуть не придавив собачку, но неожиданно ловко поднялся и разошёлся не на шутку:

Востерзали люди ужа, ударили било
Нинел глаголит имати, персть паки солило,
Имати безлатно, имати безлетно аки саддукеи.
Книжник Нинел со сковники бяху фарисеи.
И законника внезапу немощь обуяти
Скимен тристат яко тать веси позобати.
Сирый Нилатс, вельми оттай, си рога пояти
Клевреты бранити, живота имати.
Языцы Мзилациос обрести оброк
Во еже воздети выспрь Ануммок
Во еже Нинел выспренно воздети...
Волит Релтиг обаче, Ануммок сотрыти
Волит бесный, окаянный, гряде вои-тати.
Бдети стан Мзилациос, срящи возбраняти
Гой, блажити Ануммок, толцыте тимпаны

Жрети Релтиг обоюду бити во кампаны.

От избытка чувств, собачка отскочила, помочилась на кучку хвороста и, вернувшись, продолжила подвывание, Вася порвал струну, но, брызгая густой слюной, попытался гугнывать дальше...

Блажен стан Мзилациос юдоли Апорве...

Взяв несколько жутких аккордов, бандурист в изнеможении откинулся на завалинку. Густой пот орошал бледное лицо, дети, с восхищением глядя на сказателя, усердно ковыряли в носках, маленькая собачка, задрав лохматую морду к небу, жалобно взывала. Из хаты вышла Хыма с крынкой квасу в руке, на другой по прежнему восседал годовалый малыш. Вася с полу-прикрытыми глазами протянул руку. Хыма отдала квас брату, и тот, словно конь на водопое, с присвистом тянул из крынки мутную жидкость.

– Тётя Броня, подождите, он же чахоточный, ему трудно? То ж ваша Аня живёт там, на земле Апорве. – Хыма торжествуяще сияла глазами.

– Дай-то Бог. Ну, я пошла. – «Безумные, как есть безумные, сами не ведают, что говорят».

– Пойдите тётя Броня, это только начало, Вася передохнёт...

– В другой раз, Хыма.

– Ну ладно, я вам быстро расскажу. Когда башня Ануммок достигла грозовых туч, то вельми задрожала и языцы Мзилациос, закоснили строительство. Пытаясь найти причину труса, языцы вляются. Вляются так долго, что забыли способ спекания кирпичей на яичных желтках, правила строительства и даже самоназвание. «Их бяше нарицати языцы ковос». Минули годы, языцы ковос возглавил ветиа Вёчаброг. Он, чтоб ускорить строительство, велел заменить кирпичи, на деревянные палицы. Языцы ковос возликовали, но ликование длилось недолго, ибо ударила молния. Горюч древо запылало ярким огнём. Языцы ковос, бяше разбегаться в разны стороны. Словесный Вёчаброг рещи новый стих, но языцы обуяла смута. Богатырь Ницле рече: «Почто вама строить Ануммок, аще конунг Релтиг побеждён?» Люди ковос удивились – действительно, почто? Они уже не помнили о исконном желании, вознести кумира Нинел на небесы, а дивились, почто им башня Ануммок. А Ницле волет с языцы ичисур, вспять к годам Скрама. Языцы ичисур, отдаваше си кокоши на строительство башни, убо согласится. Ницле предложил алатипак напомнить языцы ичисур азы законов худога Скрама. Раввунни алатипак, показали языцы ковос и ичисур, аще не совать нос в запретные страницы завета. В дебри Апорве вернулись исконные годы. Одначе, Мзилациос, вспоминая Ануммок и Нилатс, волят идти вспять к тайному смыслу учения. А кумир Нинел под нырище, ждёт вознесения... Вы всё поняли, тётя Броня?

– Старая я, чтоб... – Увидев, что Хыма вознамерилась дать разъяснения, прибавила, – ...спорить. Вам виднее, вы люди божьи.

– Аминь! – Воскликнул Вася и отдал крынку Хыме.

– Благодарствуйте, люди добрые, пойду я, бывайте здоровы.

Бронислава решительно зашагала по тропинке. Вскоре, убогая мазанка и безумное семейство скрылись за кустами акаций. Солнце уже поднялось высоко, и здорово припекало. Взойдя на вершину холма, Бронислава присела на бугорок... Здесь при Сталине садовая бригада под руководством молоденькой выпускницы сельхозтехникума из Пятигорска, выращивала лимоны во рвах, закрывая деревца на зиму соломой. Сам академик Лысенко приезжал, хвалил эту молодую Нину Филипповну и советовал, как лучше ухаживать за дивными кавказскими растениями. Давно это было... и глупо, как бредни, звучавшие из уст юродивых Турчи-ков. Раздражение и тревога, вселившиеся в душу под бесноватое сказание кобзаря, под непонятные речи его сестры, сменяли спокойствие и благодать.

«Хорошо у нас, красиво, привольно. С горы далеко видно, тепло, виноград созревает. Не стану я писать в Вильно, отца с матерью давно уж нет, а остальным не до меня, мы чужие, друг другу безразличны, по крайней мере, мне с ними не хочется встречаться. Опять кукушка ... Куковала, куковала и прервала свою песню. Как Вася... Странные они люди, но почему-то появилась уверенность, что Ануся действительно жива, здорова. Конечно, жива, я и сама это знаю. Только замужем за сарацином – это уж слишком. Не могу представить её взрослой. Наломая липовых веток, а к дубу не пойду».

Липа, подсказанная Славкой, действительно цвела. В кроне дерева усердно трудились пчёлы. Сломав несколько веточек, Бронислава не устояла и отнесла припасённый гостинец к дубу. Воровато оглядываясь, расстелила платочек у подножья великана. Перекрестилась, поклонилась и без слов ушла. «Пускай дух дерева Носолум угостится, ведь сегодня праздник Ивана Купала – Лиго».

Глава 7 СТАРШИЙ БРАТ

Догоним и перегоним Соединённые Штаты Америки!

Труженики села, глубже изучайте методы агрохимии, шире внедряйте передовые технологии. Выше урожая «царицы полей» – кукурузы!

Да здравствует ЦК КПСС и её Политбюро во главе с Первым Секретарём – Никитой Сергеевичем Хрущёвым!

Манюся с Ваней приехали к Броннику в Одессу без предупреждения, сюрпризом. Устроились на съёмной квартире по улице Лейтенанта Шмидта. Хозяйка, миловидная женщина с ямочками на щеках, ещё на выходе из вагона, ловко отсекала провинциалов от своих коллег, наобещала несравненный комфорт, взяла вперёд за две недели пятнадцать рублей новыми, показала квартиру и ушла в другую, где жила с мужем. В гостинице может и подешевле обошлось бы, но, поди, найди её эту гостиницу. Ничего, зато здесь имелась газовая плита, умывальник на кухне, и туалет, совмещённый с душевой, прямо в квартире.

Туалет, устроенный хозяйкой в тёмном чуланчике, произвёл неизгладимое впечатление на Ванюшку. Он то и дело заходил, дёргал за ручку, смотрел, как из щели извергается вода, вдруг, поток прекращается, и бачок снова наполняется водой. Чудеса! Дома такого нигде не увидишь, даже в райкоме партии все ходят на улицу в дощатые будки с сердечками-отверстиями в дверях, услыша шаги, скрипучим голосом орут: «занято». По степени Ванюшкиного восхищения с унитазом равнялось только море. Всё остальное он видел в кино и в телевизоре, который купили соседи Сокольские. Старый Сокольский заболел печенью, бросил пить и вспомнил, что он майор польской армии, а не рабочий из каменоломни. Пошёл в райком, побряцал фронтовыми наградами, и ему дали должность завхоза в школе. На радостях, и от сознания своей значимости, Роман Феликсович одним из первых в районе купил телевизор. Антенну ставили с помощью всех соседей, жаждущих смотреть бесплатное кино. Теперь в местечке штук двадцать антенн торчит, только Ванюшкины предки деньги жалеют. Эх, отста- лые они люди.

Ваня лучше всех в семье понимал, как следует жить. «Это Бронька решил учиться. Лечиться ему надо... и то бестолку – «больной на голову, а ноги лечит». Ну, был он отличником, почти, а вот учителя, в большинстве, его не любили, а вот Ваню, хотя с успеваемостью у него не ахти, поощряют. Учиться может и надо, но не на токаря же, даже не на инженера, а на начальника. Главное – вести общественную работу, руководить пионерами, комсомольцами, дальше устроиться в райком комсомола, потом в райком партии, потом в обком, в Киев, в Москву... Партия сказала: нынешнее поколение будет жить при коммунизме, и куда они все

денутся, будем в нём жить как миленькие. Но даже при коммунизме кто-то должен руководить, иметь большой дом, машину с шофёром». Вот так представлял Ваня и коммунизм, и своё будущее, хотя до Одессы не подозревал о существовании унитаза.

Манюся приготовила ужин, и ровно в четыре часа они с Ванюшкой пошли к проходной завода встречать Бронислава. Встали чуть в сторонке, у Манюси сердце стучало, как перед первым свиданием. Ваня, ожидая увидеть рабочих, типа РТСовских – в спецовках, с закопченными лицами, растерялся. Из проходной повалил народ, не совсем похожий на тех, все чистенькие с влажными волосами, в праздничных костюмах. «Как на плакатах!»

Как-то внезапно появился старший брат... совсем стилияга! Волосы взбиты в крутой кок, клетчатая рубашка, широкий ремень с заклёпками, узкие техасы, туфли на высокой белой подошве, в зубах сигарета с фильтром. Что-то, а такого зрелища Иван не ожидал, даже мама не предполагала. За время разлуки Бронислав здорово вымахал – под метр девяносто будет, а может и выше. Ошеломлённые родственники, потеряв дар речи, глазели на почти незнакомого молодого человека. Манюся хотела окликнуть сына, но тут к нему подошла девушка с причёской, похожей на стог соломы, и они... прямо на улице! при людях! Поцеловались! Стоя на виду у всех, бесстыже целовались! Что интересно, никто из прохожих, из работников завода не делал молодым замечаний, не срамил распутную девушку, не порицал развязного юношу – их сына и брата Броньку. Странные люди живут в Одессе, по улицам совершенно свободно разгуливают стилияги, обнимаются, целуются, и никому до этого нет дела. А как же с моральным кодексом, с комсомолом? Манюся робко, так, чтоб сын первым её увидел издали, подошла к беспардонной паре...

– Ма!?... Ты откуда? Ма! – Бронислав, обняв мать сильными руками, поцеловал в щёку и увидел брата. – Ванька, паршивец, как я рад!

– Вот, Броник, приехали, хотели с сюрпризом, но, – Манюся, выразительно посмотрев на подружку сына, продолжила, – куда уж нам местечковым. У городских свои сюрпризы.

– Какие сюрпризы?.. А, Марго? Знакомься, ма, Маргарита – моя невеста.

– Здравсти, – как-то буднично, не засмущавшись, как положено, смущаться невестам при знакомстве с будущей свекровью, сказала Маргарита.

– Вы уже подали заявление в ЗАГС? – ошарашено спросила Манюся.

– Ма, ты чё? ... В Одессе все ребята называют своих девушек невестами. Марго, вот этот шпанюк – мой родной братец Джоник.

– Иван, – поправил брата праведный Ваня.

– Ладно, пойдём устроим родаков в отель, потом в кафе, отметим встречу...

– Зачем в гостиницу, у предков дача на Фонтане пустует. Я могу взять ключ.

– Маргуня, и за што я в тебя такой влюблённый? Ма, где ваши вещи, поехали на хату к Маргуське, это круче, чем отель «Червоный» ...

– Спасибо, мы уже устроились, наварили борща, привезли кровьянку, пирогов, мяса. Пойдём к нам, тут недалеко, на Лейтенанта Шмидта...

– Вот уж мне эти сельские! Ты как, Марго? – Маргарита сморщила носик. – Значит так, мы валим в кабак, потом я оттараню Маргушу в домой, и тогда уж отведем душу мамиными вкушняшками. Как, Ванёк, в ресторане давно не был?

– Никогда.

– Броня, не надо тратиться...

– Ма, какие траты? Сейчас никто не справляет дома. Тем более все – за, ты одна – против. По принципу демократического централизма «мы тут посоветались, и я решил» – идём в ресторан. Кстати, Маргуша у нас комсомольский вожак группы.

– Да? – Манюся с удивлением посмотрела на девушку.

– А мы подумали, что вы стилияги, которые танцуют чарльстон и буги-вуги, – уточнил позицию простодушный Ванёк.

– Буги-вуги давно не в моде, только – твист!

За ресторан Бронька заплатил целых двадцать семь рублей... новыми! Деньги немалые, если учесть, что бабушке Брониславе недавно назначили пенсию шестнадцать рублей сорок две копейки. Ваня задумался, ему уже стукнуло пятнадцать лет, и финансовый вопрос приобретает некую актуальность. Он разными способами пытался выяснить, сколько получают партийные руководители района, но суммы получались просто смехотворными по сравнению с зарплатой брата. Видимо столь важный вопрос настолько занимал голову молодого активиста, что перестал быть секретом для некоторых членов семьи. Выручил как всегда отец. Вообще-то Ваня знал, что Адам не отец, но они так долго жили вместе. Отношения между ними были тёплые, родственные.

– Пап, а сколько получает Хрущёв?

– Тебе зачем?

– Ну, просто спрашиваю.

– Он на государственном обеспечении.

– А Подгорный?

– Все они такие, – «партия и уряд, сыдят соби и курят». Мы тут хлеб с горохом едим, а они жируют.

– Ты что против советской власти?

– Упаси боже, – себе дороже. Вон Баба Вася сфотографировал, як колхозные машины возят першому секретарю всякий харч, и шо?

– Да знаю я, в дурдом отправили. Первый секретарь за всё заплатил, даже накладные есть, нам историк говорил.

– Они любых накладных целую фуру привезут. Мне с ними не тягаться, моя хата с краю.

– А я пойду в партию и буду за народ.

– Кто ж против? Иди, Янык, глядишь, и мы с мамой возле тебя заживём, на «Победах» и «Волгах» ездить будем, марципаны жрать. Мы жы-ж тоже народ.

– Не Янык, а Иван. Броньке повезло, он в Одессе много зарабатывает, в техникуме учится, папа его невесты в обкоме работает. Блат будет.

– Не в коня корм. Бронислав не из тех, кто за сладкую жизнь поженится. Похерит он всё, помяни моё слово.

– Не может быть. Почему?

– Другой он. Броньке надо в революцию родиться, вот бы накуролесил, сто лет не разгрести. Только бодливой корове, бог рога не даёт.

– А я? Я лучше Броньки?

– Смотря кому. Все мы думаем, что лучше других, однако, другие думают так же, как и мы. Человек предполагает, Бог располагает. Взять цыган – ленивые, хитрые, тупые, вороватые, а живут и живут. При фараонах жили! Где теперь фараоны? Вон цыган Володька Пулькач: круглые сутки пьяный, семерых наплодил, нигде не работает и живёт не хуже нас. Хотя я, и любой другой человек скажет, что мы лучше Пулькача.

– Пап, но ты же лучше, ведь, правда?

– Потому-то мне бог детей не даёт, – Адам сумрачно достал мятую пачку «Шахтёрских», молча раскурил папиросу.

– А мы, а я, пап?

– Ладно, Вань, ты меня меньше слушай, ничтожный я человечешко, болтаю тут всякую ерунду. Пойду маму встречу, а то ей страшно ночью со смены возвращаться. Завтра сходим в раймаг, телевизор купим, нечего тебе по соседям бегать.

– Ура!

Ване очень хотелось жить в достатке, в почёте и уважении. Глядя на родителей, которых очень любил, Ванёк внутренне содрогался. Неужели и ему придётся вот так же кормить свиней,

копать огород, ходить каждый день на работу, чтоб получать несчастные гроши? А как иначе, не воровать же? Бронька попробовал... спасибо советской власти, не посадили. Лучше самому сажать, чем от других зависеть. Эх, Бронька!

Хорошо детство со старшим братом за спиной! Бронислав Ванюшку никогда в обиду не давал. Как-то на речке Мишка Фына, у которого отец в тюрьме сидит, выбросил Ванину удочку и весь улов в речку. Просто так, озоруя, чтоб перед своими друзьями выпендриться. Бронька в это время с другими пацанами ушёл в сад Завадских, урожай проверить. Натырили полные пазухи, пришли на берег, а там Ванёк хнычет, а Фына со своими друзьями весело в заводи плещется. Пока выясняли, что к чему, Мишка накупался, сел на бережку в карты перекинуться. Играют, курят, матерятся, всё путём, всё, как всегда. Бронька прихватил булыгу, подошёл к картёжникам. Те – ноль внимания.

– Фына, ты чё брата обидел?

– Пошёл ты, пшек, к ксендзам облатки хавать... – Бронька саданул камнем по Мишкиной башке. Игроки оторопело вскочили и, встав полукругом, заинтересованно ждали развития стычки. У Фыны папироса на губе висит, по морде кровь юшит, зенки побелели от злости. Он достал финак с наборной рукояткой и медленно пошёл на Бронислава. – Ну, сука, щас, бля, прирежу.

– Попробуй. – Бронислав вытащил из-под рубахи начищенный до блеска наган, взвёл курок и тоже ступил на шаг вперёд. Фына остановился.

– Ты чё, кацапчук, ржавой фузеей на понты берёшь?

– Лезь, падла, в воду, доставай удочку!..

Они стояли друг против друга долго, упрямо, пока остальные пацаны не нашли зацепившуюся за ивовый куст удочку и не отдали Ване. Ванюшка взял брата за руку, потянул домой. Сплюнув на землю, Бронька подчинился младшему. Фына, с облегчением спрятал финак в рукав, высморкался и пошёл со своей ватагой в лес. Бронькин наган, остановивший Фыну, был со сточенным бойком и негодными патронами. Стрелять не мог, но Бронька так не считал. Он верил, что револьвер, невзирая на всякие законы физики, по законам чуда, мог выстрелить. После стычки с «малохольным Бронькой» Фына с младшими пацанами не больно-то связывался. К тому же, вскоре он умер... не умер, его как бы зарезали, врачи на операционном столе.

На призывной комиссии у Фыны обнаружили грыжу и направили в районную больницу на операцию. Прооперировали, вроде успешно, а он скончался, не приходя в сознание. Народ тихо возмущался, сваливая и врачей и районное начальство в одну кучу. «Вот и лечись у этих коновалов. Жалко пацана и мать его несчастную! Мало того, что мужа посадили, так и сына сгубили. Вот так с нами, с простыми. Сами-то, небось, по областным больницам и санаториям лечатся, на легковых машинах раскатывают, плащи кожаные носят, рожи сытые аж лоснятся...»

Хоронили Мишку не как принято – с красными флагами, а с попом, с кадилами, с хоругвями. Его мать, тётя Франя, при выносе из хаты гроба громко рыдала, билась в истерике и, проклиная докторов, упала в обморок. Мужики поставили гроб на «газон» с открытыми бортами, устланный домоткаными дорожками. Медсестра, выделенная от райбольницы, привела в чувство убитую горем мать. Пришла пора трогаться, но опять заминка – никто из молодых не соглашается нести хоругви, а старшим, вроде, не положено... Пацаны за спины прячутся, старики их ищут, уговаривают, старухи истово шипят, пальцами в небо тычут, но ничего поделать не могут. Хотя к католику Брониславу никто из православных не подходил, он решительно сунул кепку за пазуху, взял в руки самый большой шест с перекладиной, на которой висела блестящая тряпка с бахромой, похожая на штаны только как бы для трёх ног, встал перед полуторкой. Следом за Бронькой церковные причиндалы разобрали друзья Мишки. Траурная процессия двинулась через центр мимо больницы, райисполкома, по улице Ленина и далее по окраине до самого цвынтаря.

Тогда пацанам, а больше всего Броньке, здорово досталось за помощь попам и соблюдение религиозных забобонов. Осудили в школе, но дома никто слова худого не проронил. Ванюше было жалко Мишку и его маму, он тоже шёл за гробом, в самом хвосте процессии и никак не мог понять, зачем Броньке нарывался на неприятности.

Странный у Ивана старший брат – больной на голову. Так и соседи говорят. После его отъезда, дед Махновецкий сказал, что туда ему и дорога, в Одессе с бандюгами цацкаться как в местечке не станут, быстро посадят. Бабушка Броня обидчиво ответила: «Ой, Махновецкий, лучше смотрите, чтоб вашего Гришку не посадили за спекуляцию». Как в воду глядела, через год Гришку с двумя молдаванами арестовали за изнасилование цыганки в Могилёве. Всех насильников посадили, а хата Махновецких загорелась тёмной ноябрьской ночью с подветренной стороны. Говорят от электричества, но люди думают, что от цыган. Ване Махновецких не жалко, пусть не болтают, что ни попадя.

Сложные мысли витали в голове подростка, одно ему было ясно – в жизни должен быть кто-то сильный, способный защитить и поддержать, как в детстве делал старший брат.

Глава 8.

МАРГОЛАНЫ

На Двадцать втором съезде, Коммунистическая партия СССР торжественно заявила – нынешнее поколение будет жить при коммунизме!

Рабочие и колхозники, трудовая интеллигенция, все как один встанем на выполнения программы построения коммунизма в Советской стране!

Товарищи колхозники, правильно сочетайте общественные и личные интересы!

Бронислав, без затруднений, не напрягая извилины, учился на заочном отделении техникума и параллельно в одиннадцатом классе вечерней школы рабочей молодёжи. Спешил доказать всем и друзьям, и недоброжелателям, что он, таки, не вор, а башковитый и целеустремлённый. Получив школьный аттестат, поступил в политех. После, как защитил диплома в техникуме, стал работать мастером механического цеха на заводе Январского восстания. И учился опять на заочном, но в институте.

Вероятно, с дури, а не от большого ума «упирался, как слепой конь в шахте». Это выражение Бронька услышал случайно, в трамвае от подвыпившего работяги, видимо, шахтёра. Фраза ему понравилась, и он вставлял её к месту и не к месту. Как бы то ни было, завод парню был по душе, нравились запахи горячей стружки, деловая суeta цехов, рабочий класс, удовлетворяла зарплата. Платили вполне сносно, особенно много набегало в конце, да и в течение года не единожды подбрасывали то премию, то прогрессивку. На сберкнижке накопилась изрядная сумма, хватило бы на автомобиль, если бы кто помог, а так маловато, но на мотоцикл вполне, даже с остатком, только очередь большая. Выручил как всегда, Михаил Васильевич. Кое-кому позвонил, кое с кем посидел, велел принести характеристики и ходатайство от завода. С ходатайством профком заартачился, но начальник механического цеха Лев Борисович смог переубедить профсоюзных функционеров. «Такие кадры поощрять надо, тем более Бронислав Эрастович не на заводскую очередь покушается, он сам по себе... У него будущий тесть в облисполкоме». Это он конечно загнул, можно сказать, малость преувеличил. Отец Маргариты Георгий Константинович ни слухом, ни духом не ведал о страстях, разыгравшихся на заводе, но покупку одобрил, чего не скажешь о её маме Софье Павловне. Женщины существа чувственные, им бы только сокрушаться по любому поводу.

Новенькая «Ява» – последний писк в среде понимающих чуваков. Отпустил сцепление, газ до упора, переднее колесо на подъём... Через несколько секунд превращаешься в точку, растаявшую в мареве причерноморской степи. Бронька носился по бульварам, как Святой Илья

по тучам, а уж за городом, никакой пророк не угнался бы за ним на своей допотопной колеснице. Маргарита, завершив преддипломную практику, писала диплом, после защиты которого, молодые решили расписаться. Родители в дочери души не чаяли, к Брониславу присматривались, особенно отец Георгий Константинович, призывавший Бронислава перейти работать под его начало в облисполком. Броньке в бюрократы идти не хотелось, и он тянул время. Но он так любил Марго, что готов был на любые жертвы. Как он любил её, как любил! Маргарита – самая прекрасная девушка из всех когда-либо рождавшихся в мире. Она самая красивая, самая умная, самая нежная, самая, самая, самая! Описать её невозможно, как невозможно описать воздух, которым мы дышим. Впору потратить кучу сравнений, метафор, эпитетов, говорить, что он свежий, бодрящий, влажный, сухой...

Но! ... Представьте, что вы трети сутки сидите в затонувшей подводной лодке, дышите смесью, состоящей из остатков кислорода, дыма, человеческих испражнений и прочих гадостей замкнутого пространства, худо-бедно обеспечивающих ваше биологическое существование.

Снаружи корабля, на глубине восьмидесяти метров трудятся водолазы с целью спасения затонувшего экипажа. Работают как всегда с энтузиазмом, с огоньком... и крайне непрофессионально. Прожигают дыру не в нижней части помещения, где вы находитесь, а в верхней. Не взорвало, «колокол» не получился, вышла кефирная бутылка с сидящей на дне мышкой, опущенная злобным мальчишкой, желающим утопить грызуна. Роль бочки с водой, кишасей головастиками, исполняет Баренцево море, заселённое треской. Мышка, разумеется, это вы, до сих пор вполне сносно дышавший спёртым воздухом и жаждущий оказаться на поверхности. Благодаря доблестному труду «умельцев», грязное, тёплое помещение заполняется чистой и прохладной морской водой, а ваши надежды вместе с огромными пузырями вонючей, ноживительной смеси, которой вы только что поддерживали душу в теле, убывают к поверхности моря куда минуту назад стремились вы. Теперь сделайте милость, опишите красоту пузырей воздуха, которым вы дышали... Трудно. Тогда попытайтесь описать девушку, без которой для вас нет жизни...

Судьба свела в спортзале, что по улице Жуковского, на тренировках. До революции там был добротный костёл, в веке девятнадцатом воздвигнутый выходцами из Краковского воеводства. Когда пришли другие времена, цитадель папства перешла на службу спорту. Реконструкция религиозного храма в храм здоровья советской молодёжи не потребовала особых затрат и капиталовложений. Посшибали со стен и потолков Херувимов с Серафимами, отгородили боковые нефы, которые стали служить раздевалками, в алтарь ловко вместили душевые и туалеты. Словом, спортзал получился не хуже, нежели костёл. Бронислав сначала даже не догадывался о культовом прошлом любимого спортзала, но, когда узнал о преобразовании сакраментального места отправления культовых церемоний в спортивную арену, не расстроился.

Баскетбольная команда девушек технологического института тренировалась параллельно с командой ребят из механического завода, благо дело, площади здания позволяли. Маргарита играла средне, но снайперские броски, особенно с дальней дистанции, это не жалкие потуги местечковых спортсменов. Бронька наблюдал и восхищался. Он-то действовал больше на энтузиазме и выносливости, нежели на техничности и профессионализме. Игра нравилась, жаль, что поздно пришёл в баскетбол, родился он в Одессе, мог бы и в команду мастеров пробиться. Девушки в зале с парнями коллегами по спорту вели себя вполне адекватно. Молодых людей, разница во взглядах, устремлениях и образовании, игра никогда не разъединяет, напротив, на площадке любой диалог возникает по делу, без особых претензий на будущее. Однако, нет правил без исключений, ведь исключения только украшают правила. Божественная искра пролетела, когда Маргарита и Бронислав впервые встретились глазами. Пролетела и померкла. Маргарита, взмахом ресниц погасила её свет, пламя не возгорелось. На то были причины, привычки...

Ритуля, с детства не страдавшая миниатюрностью, вниманием ребят обделена не была. Так уж «повезло», что во всех параллельных классах не было мальчишки выше её ростом, мало того, недомерки едва достававшие до косичек, воспринимали Риткин рост, как личное оскорбление, и от того ещё больше дразнились. Как эти «клопы» ей обрыдли! И о какой «дружбе» или совместных гулянках могла идти речь? «Дылда» – самая безобидное прозвище школьных лет. В институте ребята за косички не дёргали, клочков не вешали, но романтические отношения так и не случились. Вероятный претендент на свидание, издали уловив взгляд лучистых глаз и оценив миловидный овал лица, подойдя ближе и сравнив свой рост с баскетбольными данными предмета будущего вздыхания, смущённо ретировался, так и не завязав разговор.

Бронислав, хотя и познавший сладость плотских утех с разбитными фабричными девчатами, как-то не воспринимался ими как объект для серьёзных и даже романтических отношений. Девки считали его чудачком на букву «Му», а он имел их за круглых дур, и это было справедливо с обеих сторон. Местечковый, застенчивый, не единожды натывавшийся на циничные отповеди спесивых одесситок по поводу своего гыкающего и шокающего акцента. Однажды, он увидел в парке девушку... Её – свою мечту, сон, суженую, можно сказать – фею, дивную, сказочную, к тому же, вроде-бы, стрельнувшую в него заинтересованным взглядом... Он расслабился, подошёл... и наткнулся по полной программе. «Парубок, ты з якої комунії, «Шлях до могылы», чы ты з колгоспу «Чэrvонэ дышло, куды повернёшь, туды и вышло?» Образ неземной феи померк, обложив сказочную диву пятиэтажной нецензурщиной, Бронислав с презрением плюнул несбывшейся мечте под ноги и гордо удалился. Не то чтобы его сильно задевало собственное мухосранское происхождение, скорей неприятно хамить миловидным дурёхам, кичливо пренебрегающих им – убогим провинциалом. Возможно, надменность города имеет объяснение...

А вот с Марго возникло как-то мило и естественно. Познакомившись, Бронислав не стал форсировать события, он и не сторонился её, но и не ставил никакой ближайшей цели, впрочем, не исключал возможного. Их взаимоотношения развивались достаточно медленно и бережно. Впервые они перебросились двумя-тремя словами в тренажерном зале, потом стали издали кивать друг другу, норовя будто невзначай попасть на близко стоящие снаряды. Что, поскольку обе стороны стремились к одной цели, удавалось довольно часто. И всё же, Бронька, как-то непривычно робея, не решался углублять отношения, он не будучи уверенным в себе, комплексовал сильно, можно сказать – боялся её... Нет, не её, он опасался разомкнуть хрупкую связь, наметившуюся между ними. Общеизвестный факт, что робость не сильный помощник в любви, но, иногда, замечательный.

Как-то, они вместе шли к остановке, посадив ее в троллейбус, он, вдруг выдумав, что ему позарез необходимо в другую сторону, не стал заходить следом в салон. И троллейбус ушёл, а счастливый Бронислав потёхал следом. Моросил мелкий дождик, холодили свежие порывы ветра, было неуютно. Однако, в каком-то глупом, телячьем восторге он протопал восемь остановок, с упоением перебирая в памяти каждое слово, каждый поворот головы, каждый, взгляд Маргариты. После следующей тренировки Бронислав, не придумав ничего оригинального, задержался в вестибюле за колонной и инсценировал случайную встречу. «Как это глупо!»

Вышли на улицу. Стоял милый октябрьский вечер. Под ногами шуршали опавшие листья платанов. Тлен засыпающей природы накатывал волнами душистых запахов и, дрожа в лучах уличных фонарей, исчезал в звёздной дали небес. Болтая о пустяках, молодые не спеша прошли к остановке троллейбуса, но не стали садиться, а пошли дальше. Зашли в гастроном, выходявший тремя ступеньками на перекрёсток Ленина и Жуковского, угостились томатным соком, который добродушная продавщица, отпустив паре приятный комплимент, нацедила из конусных колб с краниками внизу. И от добрых слов, возможно, от предвосхищения грядущего их души переполнились потоками счастья.

Их встречи случались всё чаще и чаще, потом ежедневно. Соскучившись, Маргарита встречала его у проходной. Иногда они то на трамвае, то в троллейбусе уезжали в самые отдалённые районы города, иногда шли пешком, обнимались, целовались. Им нравилось всё. Что не вызывало симпатии, того не замечали. Но разве могут быть неприятными – гул трамваев на улице Советской Армии, шум прибора на Большом фонтане, гомон народа на Привозе, лепетание детей на пляже? А как хороши плоские одесские шуточки про воробушков, которых высокорослым влюблённым предлагалось достать из гнезда, если, конечно, им не трудно нагнуться. Ах, как вы милы ироничные и доброжелательные одесситы, особенно низкорослые, тонко чувствующие конъюнктуру ситуации. Какое удовольствие отпускать комплименты грациозной девушке, выше тебя на две головы, и ничем не рисковать. Длиннобудылая, но чужая невеста никак не уязвит чувство собственного достоинства коротышки, так почему бы не сделать приятно, себе и ей?

Марго цвела, как белые акации на Приморском бульваре, порхала, как бабочка в степях за Третьей заставой, щебетала, как птичка в ветвях могучих платанов по улице Пушкинской. Влюблённый Бронька парил на седьмом небе. Любовь и учёба, что в молодости может быть лучше? Ничего! Ничто не омрачало его жизни, даже тот факт, что его признали непригодным для службы в армии. Оно, конечно, стыдно и несправедливо, но против врачебной комиссии не устоишь. Когда призывнику отказали в исполнении всеобщей воинской повинности, он чуть не заплакал и целую неделю скрывал от Маргариты факт своей ущербности. «Значит я действительно больной, хотя почему-то этого не ощущаю, да и другие тоже не замечают. Есть, возможно, некоторые странности, но это скорей особенности характера, а так я вполне здоров – учусь, в баскет играю, работаю не хуже других. И с достоинством у меня в полном порядке. Проверено, неоднократно...

Идиот, заскакивал с ребятами в женское общежитие. А если бы что поймал? ... Теперь другое дело, как бы ни хотелось, буду терпеть до свадьбы. С Марго всё серьёзно... настолько глобально, что не хочется её оскорблять даже мыслью о каком бы то ни было постельном устремлении. Как же ей сказать, как объяснить, что я не дефект, что только для службы не пригоден?» Долго маялся, наконец, открылся.

До Маргарита не сразу дошло, о чём это он, то краснеет, то сбивчиво мычит? «Глупый, да такому повороту только радоваться надо!» Броньке сразу стало легче. «В конце концов, не навсегда же отказали, только на период мирного времени, а во время военных действий очень даже годен к нестроевой. Пусть к нестроевой, а когда понадобится, то пригожусь и к строевой, и к боевой».

Пришла любовь, сменив робкую влюблённость, она росла и продолжалась, и не было ей ни начала, ни конца, как у вечности и бесконечности, этими разными сторонами одной сути, с которыми влюбленные соприкасаются душами.

«А когда человек, то есть я, живёт в исключительно замечательном городе среди его прекрасных, великолепных людей, в лучшей свободной стране, запускающей свои корабли-спутники с космонавтами на борту, строящей самое передовое общество в мире, то он, то есть я, становится ещё лучше, возвышенней и благородней».

Без сомнения, дело шло к свадьбе.

На майские праздники молодые решили смотаться в местечко, порадовать мать. Кроме матери были ещё ба Броня и брат, и Адам, но Бронислав как-то не желал это подчёркивать. Ну, что это за общение со старухой или с папаном, тем более с отчимом, про которого непременно говорил всякие колкости. Нет, мать это святое, едем к матери. Подумаешь, каких-нибудь неполных четырёхста вёрст. При средней скорости семьдесят оглянуться не успеешь, как окунёшься в волшебный край детства – кругом возвышенности, речка, река, мама, бабушка, брат, друзья... Маргарита тоже загорелась поездкой, стали загодя собираться. Конечно, в мотоцикл много не возьмёшь.

– С харчами даже заморачиваться не стоит, почитай в каждом городишке столовая или ресторан найдётся. Плащи «болонья» само собой возьмём.

– Роня, почему в Италии плащи не выгорают на солнце, а в Одессе выгорают?

– Ну?

– Сдаёшься?.. Потому что в Италии их носят только в дождь.

– Смешно, но мы не собираемся их одевать, просто лёгкая и модная одежда... для ненастной погоды.

– Бро, ты меня любишь?

– Лублу.

– Фефе, как ты меня любишь, как!..

– Ритка, не дурачься.

– Ну, как, Фефе, покажи, как ты меня любишь.

– Насмехаешься, донасмехаешься, итальянка. Возьму и выпорю.

– Всё-то вы обещаете, Василий Иванович.

– Рит, ты как знаешь, а я поеду в джинсовом костюме. Всколыхнём уездную старину современной одеждой!

– Бронь, а у тебя там никого нет?

– Нет. Местечковые комсомольцы не поймут, но перебьются.

– И не было?

– Марго!.. Тебе сгодятся джинсы, просто джинсы... водолазка. Так, я вместо галстука повяжу шнурок, на голову напялим сомбреро. Сомбреро обязательно, плюс зеркальные светофильтры с узкими стёклами, массивными дужками и плавки? ... Возможно, купаться не придётся, но нейлоновые плавки взять надо. Нейлон нынче в фаворе.

– В Америке женщинам делают нейлоновую грудь. Правда, у меня грудь красивая.

– Прекрасная, и ты тоже, очень. Так, пару нейлоновых рубашек на смену и полдюжины нейлоновых носков. Что ещё? ...

– Грудь у меня соблазнительная. Только никто не соблазняется. У нас одни праведники. А ноги? ... Глянь. Нет, не так, ты внимательно посмотри.

– Хулиганка. Стройные. Возьмём мокасины, добротные югославские мокасины бледно-коричневого цвета на тонкой подошве, толстая уже не катит, вчерашний день...

– Ой-ой-ой, неуловимый Бро, в сомбрере, на мацацколе и с тонкими подошвами.

– Именно с тонкими. Может где-то в глухих Винницах или в державных Києвах их и донашивают, но не в Одессе же.

– Ро, ты меня любишь?

– Люблю. Берём, естественно, Пресли... я вчера Битлов «на рёбрах» отхватил...

– Где?

– На Мясоедовской. В местечке с настоящей музыкой туго. Небось, кроме «Марина, Марина, Марина – хорошее имя друзья...» ничего не крутят. Ошарашим их заморскими шлягерами...

– Бро-ни-слав, ты как в Париж собираешься. По-моему, у меня слишком оттопырены уши... Зато губы просто распрекрасные, правда?

– Правда. Пусть знают, пусть возмущаются, а то сидят, как кулики в своём болоте, и квакают.

– Кулики в болоте не квакают, они его нахваливают. А губы, которые распрекрасные, надо что? ...

– Целовать... Настоящие кулики, только бы про своё болото и цукровые буряки квакали. Помнишь, я прошлым летом ездил. Так меня милиционер чуть из дома культуры не вывел, за то, что я пришёл в джинсах...

– А через день на тебя и ещё одного парня нарисовали карикатуры.

– Да, повесили под стеклом в центре городишка, возле кинотеатра. Там раньше памятник Сталину стоял. Памятник снесли, а постамент остался. Вот они и закрыли его газетной витриной.

– Знаю, сто раз рассказывал...

– Но почему они такие, твердолобые?

– Им так привычнее, не злись.

– Я не злюсь, но зачем они написали, что я уголовник и стилияга?

– А ты разве не стилияга?

– Стилияга, как бы, но не бездельник и не уголовник.

– Это что-то новое.

– Я ж тебе говорил, что по глупости в магазин залез.

– Я думала это неправда, детская бравада.

– Да нет, было дело, потому и в Одессе оказался.

– А болтал, будто из-за смутного желания меня найти.

– Что? Конечно же, я приехал к тебе, Маргуша.

– А-а, Бронька, ты меня ничуть не лю-юбишь, не хочешь...

– Люблю.

– Как?

– Очень-очень.

– Преочень?

– Да, и ещё больше. Маргуля, я тебя так люблю...

– Мы будем жить долго?

– Долго-долго и умрём вместе.

– Я не хочу умирать. Я хочу...

– Значит, будем жить вечно.

– Не хочу вечно, хочу детей, много детей. Давай сейчас...

– Шестнадцать. Восемь мальчиков, и всех назовём Марголанами, а девочек назовём Маргаритками.

– Дурак.

– Нет, подлец. Всем купим мотоциклы...

– С колясками.

– Без. И будем носиться по ночному городу, освещая редких прохожих мощным светом фар...

– Но к мотоциклам приделаем коляс...

– Нет, крылья. И взлетим над морем...

– Над миром!

Выехали ранним утром, чтоб к обеду быть на месте. Позавтракали в Тирасполе, осталась половина пути, Ява летела, душа пела, до местечка оставалось тринадцать км...

Бронислав открыл глаза и увидел бабушку Брониславу, занятую вязанием скатерти крючком. Она в последнее три года занималась этим постоянно, к смерти готовилась. Уход из жизни ба Броня решила обставить по своему усмотрению. Вероятно у неё существовал некий план, одним из пунктов которого было желание связать огромные скатерти на столы своих детей Васи, Манюси, Ануси и покойной Баси. Не взирая на абсолютное отсутствие каких-либо вестей от младшенькой, Бронислава была уверена, что Ануся жива. В память о Басе скатерть связана в первую очередь и передана семье юродивых Турчиков, что живут под горой возле большого оврага, который отделяет виноградники от пахотных полей. Странное желание, но каждый человек волен иметь свои причуды, особенно под занавес...

Повзрослев, Бронька относился к уходу из жизни старых людей по-философски, – никуда не денешься, отжили своё, пора помирать. Другое дело нынешнее поколение... Конечно, все

смертны, но современная наука достигла таких высот, что люди будут жить дольше и дольше, пока не обретут бессмертие.

– Ба, где я?

– В больнице. Не вставай, сейчас позову врача.

– Зачем?

– Велено. Врач распорядился, как придёшь в сознание сообщить.

– А что случилось? Мне в какую смену на работу?

– Лежи не волнуйся, всё в порядке.

– В каком порядке? – Бронислав попытался встать, но острая боль в спине помутила сознание, и он откинулся на подушки...

В палату вошла Маргарита в подвенечном платье с букетиком подснежников в руке. Длинная фата струилась по плечам, белые перчатки из полупрозрачной материи подчёркивали изящность линии рук, красоту и торжественность наряда невесты. Маргарита, присев на край кровати, молча смотрела Брониславу в душу, её глаза были полны любви и печали, в уголках угадывалась слеза, губы, вот-вот готовые к плачу отчаянья, нервно подрагивали.

– Ну вот, Броня, я невеста.

– Я знаю, ты выходишь за меня.

– Нет, не за тебя.

– Почему, я же тебя люблю больше всех, люблю...

– И я любила, но так уж случилось, прости.

– Что случилось, Марго?

– Ничего, я Его невеста. Ну, пора... Прощай.

Сознание возвращалось всё чаще, мир становился отчётливей, боль в спине стала не острой, но постоянной. Бронислав уже различал лечащего врача, знал по именам сестёр, заходивших в палату с лекарствами, однако говорить не мог. Постепенно его взор достиг соседних коек, на которых лежали бедолаги, тоже существовавшие в пространстве между бытием и небытием. Как только Бронислав открывал глаза, ба Броня, бережно, чтоб не сорвать петлю, откладывала свой крючок, поправляла подушку, гладила по ёжику стриженных волос на голове внука и спрашивала, как он себя чувствует. Вопрос был скорее риторическим, поскольку, как больной себя чувствует, Бронислава знала не хуже его самого. Рассказывая о разном, умудрялась накормить, напоить, аккуратно обтереть лицо, шею и грудь внука влажным полотенцем. Бронька был хвор, немощен, недвижим. В основном лежал с закрытыми глазами, слушал журчание старухиноного голоса и думал о своём. Его мучил лишь один вопрос, почему Маргарита вышла замуж не за него?.. Спросить об этом ба Броню сначала не было сил, теперь желания. Что может знать старая женщина, толкующая о каких-то Перкунасах, Лаймах и прочих персонажах из страшилок для детей дошкольного возраста? Маму тоже не спросишь, хотя она приходила. Когда ток времени стал более осязаемым, и он смог отличать ночь от дня, Бронька понял, что мама навещала к нему несколько раз в сутки. «Нет, её спрашивать тем более неудобно, сам утверждал, что любовь у нас неземная, что никто на земле «так любить» не способен, что мы будем жить вместе до конца жизни и... Вот поправлюсь, выпишусь из больницы и разберусь. Если, конечно, найду Маргариту». У Броньки сложилась уверенность, что Марго где-то очень далеко, и найти её будет непросто. Как-то после визита Адама, Бронислав поразился странному вопросу, который до сих пор не возникал. А почему, собственно, он в больнице? Что случилось? Может он опять попал под лядину? ... Нет, на деревьях листья, на подоконниках цветы, какие уж тут лядины. Велосипед сломан... Мотоцикл! ...

– Ба, я попал в аварию?

– Лежи-лежи, не беспокойся, тебе нельзя волноваться. Придётся немного в гипсе потерпеть, Броня. Я сейчас приподниму и подложу под голову подушку... Удобно?

– Да-а! Я попал в аварию! Как, ба?

– Вы столкнулись с трактором. Покушаем, Броньчик? Тут у меня свеженький творожок, сметанка, мама принесла, пока ты спал.

– Не хочу. Как это случилось, почему?

– Ты не виноват, Броня. Пьяный тракторист выскочил на шоссе из лесополосы...

– Где Марго?

– Приехал её папа и увёз в Одессу.

– Здорова?

– Какой уж там здорова... Он её увёз живую, но очень плохую, очень. Бронь, ну съешь ложечку сметанки... Молодец. Механизатора судить хотели... Только... он в районе, заслуженный. Орденоносец по сахарным бурякам. Сволочь!

– Чёрт с ним, что с Ритой?

– Так её ж увезли. Теперь творожку... Из райкома приходил инструктор, просил отказаться от возбуждения дела против тракториста, мол, он депутат, это дело политическое.

– Пошли они!.. Ритка что, обиделась?

– Побилась... Внутри много органов порвалось, а лицо без единой царапины. Адаська инструктора обложил... этими... матерными словами, как он умеет.

– Правильно сделал. Ты мне лучше про Марго расскажи.

– А что тут расскажешь, мама звонила, никто не отвечает. Давай ещё сметанки...

– Дайте телеграмму. Мотоцикл как?

– Поломан, живого места нет. Тракторист обещался вернуть деньги, если не посадят. У него двоюродный брат председатель колхоза. Ничего мы, Бронь, не сделаем против них. Сперва, когда Георгий Константинович приехал, лебезили, а теперь хамят, угрожают. Мол, у нас прокурор свояк. Бог с ними, Броня, нам бы вылечиться.

– Поправлюсь, ба, и Ритку верну. Она, когда была здесь, ничего толком не объяснила?

– Как же она объяснится, это невозможно, Броня.

– Понятно, ба, вопрос сложный. Только и я не дурак, теперь не средневековье, никто никого насильно не выдаёт, правда?

– Правда, Бронечка. Не волнуйся, доешь остаточки...

– Когда с меня гипс снимут?

– Если всё будет хорошо, то скоро... через полгода.

– Да ты что!

Травма позвоночника здоровья не прибавляет, оставалось надеяться на врачей, молодость и счастливый случай, авось пронесёт. В состоянии панцирной черепахи Бронислав лежал и страдал по потере невесты, можно сказать, почти жены. Растительный образ жизни разнообразился физиологическими факторами. В отличие от растений он явственно и ел, и гадил. В отличие от диких животных испражнялся не где придётся, а в подставленное бабушкой судно. Когда стал осознавать себя, было стыдно и неудобно, потом привык. Спина по-прежнему ныла не острой, не сильной, но постоянной болью. После приёма лекарств впадал в сон, со сна, с одурманенными мозгами лежал, не открывая глаз. Всё ему осточертело: и заботливая бабушка Броня и плачущая мать, и жизнерадостный брат Иван, и Адам... Впрочем, Адам, отослав тещу с судном в туалет, втихаря, чтоб никто не видел, предложил отпить из горла... Первач был просто огненный, пока старуха вернулась, внук успел посмеяться над анекдотом, принять ещё глоток веселящего напитка и в совершенно пьяном виде уснуть. Много ли больному, обессиленному человеку надо? Операция «с горла» проходила незаметно для окружающих и медицинского персонала, но Адам заходил редко, да и не каждый раз удавалось нарушить больничный режим. К тому же ушлая ба Броня после визитов «подлого Адаська» пресекла

специфический запах от спящего внука, и порой её никакими силами не вытуришь из палаты. Видимо, не отрицая алкоголь, как медикаментозный фактор, бабушка оставила за собой определение дозировки обезболивающего народного средства.

Тайное пьянство в больничной палате приносило удовольствие, но истинное наслаждение доставили книги, которые мама носила из городской библиотеки. Образ покинувшей его невесты постепенно растворялся в водах текущего времени. В душу закрадывалась обида. «Уж сколько недель я здесь лежу, а она только и всего, что зашла в дурацкой фате, чтоб сообщить о своём замужестве. Ну, хорошо, я как бы виноват в аварии, но это не повод для подобных демаршей. Могла бы поинтересоваться о моём здоровье, может, я стану инвалидом... Стоп, конечно, вот где собака зарыта! Кому нужен инвалид?.. Раскатал губу, детей собрался растить... Вот тебе, убогий, и Марголань!..»

Глава 9. ДУША

Решения ноябрьского пленума ЦК КПСС в жизнь! ЦК партии решительно осудил волюнтаризм и субъективизм в решении экономических проблем!

Семилетку за пять лет!

Выше знамёна социалистического соревнования и её новой формы – движения ударников и бригад коммунистического труда!

Одесский вещевого рынок или, как его называли в народе, «Толчок» перенесли на новое место, в степь за «Второй заставой», напротив Суперфосфатного завода. Туда по воскресеньям с Греческой площади ходил перегруженный троллейбус номер двенадцать. Народу набивалось невообразимо много. Молодые и отчаянные ехали снаружи, повиснув на лестнице, используемой для обслуживания токосъёмников. Самые храбрые сидели на крыше машины, под градом искр, сыпавшихся с контакторов. Водители, воспринимая действия нарушителей, как разбушевавшуюся стихию, не делали ощутимых попыток пресечь незаконный проезд. Покричав в микрофон требования правил перевозки пассажиров, так, для отвода глаз и собственного оправдания, в случае несчастного происшествия, водитель отправлялся в сторону «Тучи». «Тучей» «Толчок» называли молодые фарцовщики. Брониславу повезло, шальная толпа буквально внесла его в салон и припечатала к сиденью, расположенном над задним колесом. Тем же вихрем толпы на соседнее место вынесло Софью Павловну. Несостоявшаяся тёща, неожиданно обретая уютное местечко, довольно огляделась и наткнулась на неприязненный взгляд Бронислава.

– Что, Софья Павловна, и тут вы устроились лучше всех?

– Где уж нам до вас, Бронислав Эрастович, мы тут, с краю, а вы, как положено больным на голову, в удобстве, в неге, у окна расположились.

– У, плесень сизая, умыкнула дочку и радуешься?

– И умыкнула, аль прикажешь её – милую, родную, красивую, идиоту отдавать?

– Сама дура!

– Люди, люди! Вы слышали? Оскорбляют заслуженного человека! Водитель, остановите троллейбус, вызовите милицию!

– Да, позовите милицию, у жениха невесту украли...

– Жаних! Сам отдал, сам жалуется. Ходил, бродил с дочкой больше года, и ничего, так девственницей и осталась. Граждане, доколе ж ей терпеть было этого... как говорится: ни кола, ни двора.

– Что значит – ни кола, ни двора?

– Импотент без жилплощади, милой.

– Врёт она, эта Софья Павловна. У меня всё в порядке, если кто не верит, пусть сходит в женское общежитие камвольно-прядильного комбината и спросит у Любы Пунько или у Нади Толстопятовой, они подтвердят, что я могу. А невесту берёт для первой брачной ночи.

– Какая ночь? Граждане одесситы, у него нет квартиры в Одессе, и сам он из села.

– Зато мой папа городской.

– Не ври, нет у тебя папы, его Адаська заменил, он бурачанку гонит, а ты с ним втихаря лакаешь, алкоголик!

– Он не гонит, а покупает у Бабы Яги, и пьём, как пил великий Хемингуэй...

– Ой, смотрите на эту литературную тень, тоже мне Фицджеральд объявился, Антон Павлович занюханый, село подольское, Михайло Коцюбинский!

– Товарищи пассажиры, пусть она не оскорбляет маститых литераторов и ответит, куда спрятала дочь, иначе я за себя не ручаюсь!

– Оскопляет! Что там оскоплять? Осталось, на раз пописать. Кто тебя оскопляет, дурачок?

– Не надо измышлений, Софья Павловна, я сказал, оскорбляет.

– Фу ты, ну ты, оскорблённый и покинутый жаних! Так тебе и надо, не будешь на маца-циклах лятать, дярвеня кацапская. Поезжай к своей бабке Арктиде Обалденовне, тут тебе Одесса, а не Рассея, недобиток поляцкий.

– И поеду!

– Ветер ниже спины.

– И дочь вашу с собой заберу...

– Какую дочь, дурко, ты даже не помнишь, как её зовут? ... Как? Ну, как? ...

– Я помню... помнил. Забыл, но заберу.

– Забыль... Моряки своих подруг не забывают. Моряки привозят заграничные товары и вместо денег получают боны. А что ты с завода в дом принесёшь, мастер?

– Я дисковые фрезы диаметром двести миллиметров, списал, для Адама. Он их по-особому затачивает и вставляет в циркулярку вместо дисковой пилы. Могу вам принести штук двадцать, только скажите, где ваша дочь.

– Так я тебе и скажу, кретин местечковый, жалкая, убогая личность!

– Ну, пожалуйста, скажите. Я исправлюсь, брошу мастерить, устроюсь на завод прецизионных станков, в цех винтовых пар токарем-расточником и буду получать очень большие деньги, по восемьсот двадцать семь рублей в месяц. Куплю шикарную кооперативную квартиру за шестнадцать тысяч, «Москвич» в новом кузове, а лично вам подарю приёмник «Альпинист» за восемнадцать рублей пятьдесят шесть копеек...

– Зачем мне твой «Альпинист», токарь?

– ... расточник. А приёмник дефицитный, за ним все гоняются.

– Эх ты, как был село, так и остался, не смотря, что О. Генри читал...

«Конечная остановка, суперфосфатный завод. Просим пассажиров покинуть салон машины».

Софья Павловна с невероятной прытью выскочила из троллейбуса и скрылась в толпе покупателей, снующих вперемешку с торгующими. Под ногами чавкало маслом степного чернозёма, густо намазанного на серый асфальт. Брониславу на миг показалось, что он увидел свою невесту, имя которой никак не мог вспомнить. Она носила на согнутых руках нечто тряпичное, цвета немецкой шинели с ярким лейблом на атласной подкладке и монотонно твердила: «Плащ-пальто из Италии, сорок восьмого размера. Плащ-пальто...» Бронька ринулся в её сторону, но его снесло толпой цыганок, торгующих французской губной помадой и тенями с блёстками, тоже французскими, вероятно, с улицы писателя Дюма, толи сына, толи отца, ну, та, которая возле сенного рынка. Потерянным щенком он заметался среди разношерстъя продавцов и покупателей. Надеясь опять увидеть свою Марго, такую близкую и недосыгаемую, Брони-

слав взобрался на шаткую скамейку. Впереди замаячила высокая фигура, знакомая, малость, сутулая спина. Догнал, положил руку на плечо... Она повернулась и сказала чужим голосом: «Жвачки, жвачки, жвачки...» Кроме чужого голоса у неё было чужое лицо, чужой белый фар-тучек, и вся она была чужая, и жвачки у неё были чужие – американские, с ананасовым привкусом, по три рубля пачка. Бронька смущённо спросил: «Почему такие дорогие? От какой-токой организации вы торгуете?» Последовал резонный ответ: «От спекулирующей! Братъ будешь? ...» Получив трёшку, спекулянтка ловко затесалась в толпу и исчезла из вида, а вместо неё показалась гнусная рожа Софьи Павловны. Мерзавка, не пожелавшая принять в виде презента транзисторный приёмник «Альпинист», показала Брониславу матовый в желтизну язык и тоже исчезла. «Больная», – с состраданием подумал Броня, сунув в рот жвачку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.